

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 8

Редакторъ - Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

Никогда не должно выходить на брань безъ главной побѣждающей мысли; это какъ бы побѣдоносное знамя. . . Она имѣеть силу воодушевлять и возносить чловѣка надъ собою; и потому надобно какъ можно чаще приводить ее въ сознаніе и доводить до чувства.

Теофанъ Затворникъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 8

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 9

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Единеніе и раздоръ. Редакторъ	3
2. Начальныя основы строительства будущей русской арміи. А. К. Баіовъ	6
3. О частной собственности. И. А. Ильинъ	14
4. Великіе строители Россіи. 5. Св. Стефанъ Пермскій. И. И. Лаппо	22
5. Исполненіе повседневнога долга. Странникъ	30
6. Мелкое землевладѣніе въ Россіи. 1. Два освобожденія. Князь Н. Б. Щербатовъ	35
— — — — —	
I. Русская армія въ великую войну. Н. П. Головинъ	43
II. Что дала революція русскому крестьянину? Редакція .	45
III. Домостроительство русской революціи. В. Ф. Гефдингъ.	51
IV. О непрдрѣшеніи. Старый Политикъ	54
V. Отцы и дѣти въ политикѣ. И. А. Ильинъ	58
VI. Живыя слова Фридриха Великаго. Наставленіе Государямъ.	61
— — — — —	

ЕДИНЕНИЕ И РАЗДОРЪ.

Россія пала *отъ раздора* и можетъ возстать и возродиться только черезъ *единеніе*. Намъ, русскимъ нѣтъ иного пути къ спасенію; и чѣмъ скорѣе мы уразумѣемъ это, чѣмъ скорѣе мы сумѣемъ обуздать свои страсти и сосредоточить свою волю на *единой и общей* цѣли, тѣмъ скорѣе возстанетъ и возродится Россія.

Нелегко намъ этого достигнуть, теперь, когда къ основнымъ источникамъ нашей національной раздорливости присоединилось еще особое душевное заболѣваніе — *психозъ гражданской войны*, овладѣвшій русскими душами и отнюдь не изжитый ими; теперь, когда равнинная центробѣжность нашихъ душъ и ихъ славянская страстность, потрясены и возбуждены тѣмъ потокомъ злобы, ненависти, преступленій, разрушеній, обидъ и утратъ, который именуется *коммунистической революціей*. И тѣмъ не менѣе единеніе необходимо; и рано или поздно оно будетъ достигнуто.

Русскому человѣку всегда трудно давалось единеніе. Сама природа отъ вѣка какъ бы благопріятствовала раздорамъ на Руси: равнина широка и просторна, и кажется, нѣтъ ей конца; безмѣрны русскія степи; безконечны дебри русскихъ лѣсовъ. Съ древности водилось у насъ такъ, что двое, неужившись, легко разлучались и разбредались: вѣдь «Божій свѣтъ на волю данъ»; и чего ради насиловать себя, добиваться примиренія? «Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше»; а далекія дали такъ и зовутъ своимъ просторомъ. И вотъ, каждый бросаетъ другого и легко уходитъ, «куда глаза глядятъ»; и разошедшіеся навѣрное не встрѣтятся больше никогда. Въ основѣ нашей вѣковой расползающейся колонизаціи — много этой *неуживчивости*; этого, то активнаго, то пассивнаго *своеволия*; этой русской бродяжливой *неусидчивости* (новгородская вольница, казачество, старообрядческія выселенія и т. д.)

Русская природа всегда благопріятствовала обособленію и разброду людей, той первобытной *индивидуализаціи*, которая сама по себѣ еще не даетъ человѣку ни духовности, ни характера, но лишь пріучаетъ его ставить выше всего свой «нравъ» и произволеніе, пріучаетъ его подчиняться только внѣшней налагаемой на него и наказующей его силѣ. Русскіе люди всѣ «индивидуальны» въ этомъ смыслѣ; каждый живетъ со своимъ «вкусомъ», «укладомъ» и «образцомъ», съ самобытнымъ «характеромъ», который слишкомъ часто оказывается упрямой безхарактерностью. Каждый считаетъ свои личныя воззрѣнія

единственно вѣрными; и не дай Богъ — несогласиться и заспорить. . .

Природная русско-славянская *страстность* довершаетъ это дѣло и затрудняетъ намъ соглашеніе и согласіе. Мало кому изъ насъ присущъ *даръ терпимости*; и кто съ нами не согласенъ — тотъ уже кажется «или подлецомъ, или дуракомъ». Русскій человѣкъ отъ природы *сектантъ*, т. е. (буквально) «страстный приверженецъ» какого нибудь «миѣнія»; а если къ тому же ему данъ темпераментъ, а сила сужденія его невелика, — то какъ же не стать ему изувѣромъ или фанатикомъ? Недаромъ одинъ наблюдательный иностранецъ, изучавшій русскую исторію, говорилъ, что въ каждомъ русскомъ — или спитъ, или буйствуетъ маленькій «никита пустосвятъ».

Тысячу лѣтъ тому назадъ одинъ византійскій императоръ отмѣтилъ въ своихъ записяхъ, что русскіе производятъ впечатлѣніе «предателей», потому что въ страстной ненависти другъ къ другу они *легко передаютъ общее дѣло*; но, замѣчаетъ онъ, если присмотрѣться внимательнѣе, то видишь, что это не предательство, а *страстное и слѣпое* преслѣдованіе своего *личнаго миѣнія*: разоидясь во взглядахъ, русскіе не умѣютъ уступать и соглашаться, они начинаютъ ненавидѣть и презирать другъ друга и готовы изъ за этой ненависти забыть общаго и настоящаго врага.

Измѣнилось ли что-нибудь съ тѣхъ поръ? Развѣ не княжескіе раздоры предали Русь монголамъ и развѣ не трепали кости князей подъ досками сировавшей татарвы? Не побопщемъ ли «кончанскимъ» и «уличанскимъ» рѣшалъ Великій Новгородъ свои дѣла въ послѣдней инстанціи? Не доносили ли князья другъ на друга въ Золотую Орду? Не раздирали ли московское княжество — Шуйскіе и Глинскіе? Не бояре ли пустили на Русь самозванца? Не страдала ли Россія въ смутѣ въ низовыхъ бунтахъ и въ дворянскихъ переворотахъ восемнадцатаго вѣка? И кто можетъ перечислить все историческія явленія русской раздорливости. . .

Но все это было лишь поль-бѣды: *недугъ*, а не доктрина: *слабость*, а не преднамѣренность; вспышки страстей, а не планомѣрная система. Послѣдніе же 50 лѣтъ нашей исторіи принесли намъ съ запада настоящую *доктрину раздора, теорію гражданской войны, систему* классовой зависти, ненависти и травли на смерть. Революція превратила наше гибельное предрасположеніе — въ *догматъ*; она развязала все центробѣжныя страсти въ русской душѣ; она сознательно подготовила *невиданный въ человѣческой исторіи раздоръ*, который и привелъ Россію къ коммунистическому порабощенію и обнищанію.

Но она сдѣлала еще одно. Тотъ потокъ злобы, ненависти, преступленій, разрушеній, обидъ и утратъ, который излился отъ нея на Россію — заразитъ русскія души *психозомъ гражданской войны*. Этотъ психозъ выражается не въ томъ, что

русскіе люди сознательно проповѣдуютъ гражданскую войну противъ коммунистовъ или планомерно ее готовятъ; это можно было бы дѣлать и безъ психоза. А въ томъ, что *русскія души полны неизжитой обиды и ненависти*, какой то обостренной уязвленности и честолюбивой притязательности, которая только и ждетъ повода или объекта, для того, чтобы сорваться со всѣхъ цѣпей и разгорѣться въ новое ненавидящее сектантство, все равно — партійно-политическое, церковное или чисто личное. Надо признать, что пробужденная, но не утоленная ненависть, несмотря на всю ея неспособность къ жизненному творчеству, могла бы все же оказаться условно-цѣлесообразной въ борьбѣ за освобожденіе Россіи и за сверженіе коммунистовъ. Но для этого она должна была бы стать осмысленной, обузданной, направленной на вѣрный предметъ и подчиненной волевому плану. Ненависть нельзя проповѣдывать; но разъ она исторически дана, ее можно и должно преобразить въ священное негодование и въ самоотверженную борьбу со злодѣями. Однако объ этомъ мало кто думаетъ. Одни проповѣдуютъ сентиментальное непротивленчество; другіе изжипаютъ запасъ своей ненависти во всевозможныхъ частныхъ раздорахъ, не только не осмысленныхъ единою и главною борьбою съ національнымъ врагомъ Россіи, но обычно выгодныхъ именно этому врагу и только ему. Люди раскаляются по всякому поводу на партіи или группы и быстро накаляются во взаимной ненависти до черноты въ глазахъ; и, накалившись, рады вѣрить всякой инсинуаціи, клеветѣ и сплетнѣ другъ про друга. И сами проповѣдники аполитизма и непротивленчества не только не воздерживаются отъ этихъ раздоровъ, но нерѣдко являются сущими посетителями и распространителями этой черной и гибельной заразы.

Кажется, будто самъ діаволь распускаетъ по вѣтру сѣмена раздора и ненависти; кажется, будто люди только и ждутъ того, чтобы отдаться чувствамъ взаимнаго подозрѣнія и презрѣнія, чтобы растерзать и до конца дотерзать національное тѣло Россіи. И замѣчательно, что этотъ психозъ ненависти и раздора разѣдаетъ души тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше главный врагъ, чѣмъ больше людямъ дано свободы и безопасности, чѣмъ легче, казалось бы, имъ опомниться, побороть свои страсти и установить единеніе для общей борьбы съ общимъ врагомъ.

Россія можетъ возстать и возродиться *только черезъ единеніе*; и пока русскіе люди не поймутъ этого и не обуздаютъ свою тягу къ несогласіямъ и распрямъ, до тѣхъ поръ они, отдаваясь *духу междуусобія*, будутъ губить и предавать національное дѣло Россіи. Напротивъ, какъ только ихъ сердца почувствуютъ, какъ только ихъ мысль постигнетъ, что *во всѣхъ дѣлахъ* — и большихъ, и малыхъ, и мѣстныхъ, и общерусскихъ, и личныхъ, и общественныхъ, и для нынѣшняго дня, и на вѣка впередъ, —

**существенно общее, національно-русское,
а разъединяющее — несущественно,**

такъ начнется оздоровленіе и возсозданіе Россіи, какъ въ зарубежьи, такъ и подъ ярмомъ. Русскіе люди, гдѣ бы они ни находились и что бы они ни строили, обязаны постояннымъ и зоркимъ усиленіемъ воли *извлекать свои страсти изъ того, что ихъ разъединяетъ* передъ лицомъ единого и общаго врага; они *не смѣютъ* отдавать свои силы на междуусобную распрю; они должны помнить, что *ихъ страсть и ихъ воля принадлежатъ не имъ, а Россіи*, и что они *не имѣютъ права* растрчивать ихъ на всеразлагающую взаимную свару и травлю.

Россія пала отъ русской раздорливости и революціонной травли. И тотъ, кто пребываетъ въ этомъ духѣ, служить ему и не можетъ преодолѣть его въ своемъ сердцѣ. — тотъ *продолжаетъ дѣло революціи и сыновъ гибели*. Горе нашему поколѣнію, если оно сойдетъ въ могилу, прослуживъ этому духу до конца! Не добромъ помянетъ его возрожденная Россія.

Редакторъ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМІИ.

I.

«Пребывая въ мирѣ, нельзя забывать о дѣлахъ воинскихъ, чтобы не случилось съ нами того, что съ монархіей греческой». Такъ сказала свѣше 200 лѣтъ тому назадъ нашъ Великій Царь Петръ I, отвѣчая на радостныя поздравленія его пленцовъ съ заключеніемъ Ништадскаго мира, закончившаго долготлѣтнюю войну со Швеціей и утвердившаго Россію на берегахъ Балтійскаго моря.

Эти мудрыя слова Великаго Петра не слѣдуетъ забывать намъ и теперь, ибо, несомнѣнно, что несмотря на существованіе Лиги Націй, различныхъ официальныхъ, полуофициальныхъ и частныхъ всякаго рода организацій и отдѣльныхъ лицъ, борящихся за вѣчный миръ и проповѣдывающихъ его; несмотря на различные договоры о ненападеніи; несмотря, наконецъ, на недавнія международныя постановленія считать войну вѣтъ закона, защита существеннѣйшихъ интересовъ народовъ и государствъ, рѣшеніе ими ихъ основныхъ историческихъ задачъ, обезпеченіе національнаго ихъ роста и всесторонняго развитія — могутъ быть достигнуты, по выраженію создателя Германской Имперіи Бисмарка, лишь *«кровью и желѣзомъ»*

Для достиженія указанныхъ цѣлей война есть *единственное* и при томъ *правственно-законное средство*. И это потому, что хотя она для даннаго и быть можетъ ближайшаго одного —

двухъ поколѣній несетъ ужасъ личнаго горя, несчастья и печали, экономическое разстройство, ослабленіе матеріальныхъ силъ, пониженіе морали и огрубѣніе нравовъ, но въ то же время она благопріятствуетъ развитію и выявленію лучшихъ сторонъ человѣческой души, пробуждаетъ героизмъ, жажду нравственнаго подвига, готовность жертвовать собою для другихъ и ради высшихъ національныхъ цѣлей, она научаетъ многому полезному. она заставляетъ народы болѣе напряженно работать въ производительномъ трудѣ и, давая возможность отдѣльнымъ государствамъ и народамъ достигъ ихъ національныхъ стремленій и задачъ, способствуетъ въ концѣ концовъ развитію *матеріальнаго и моральнаго прогресса* человѣчества вообще.

Вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ. Все живое стремится съ одной стороны сохранить себя, а съ другой стороны обезпечить существованіе и полученіе наивысшихъ во всѣхъ отношеніяхъ благъ для себя и для своего потомства, и за нихъ *готово бороться* всѣми силами.

И никакія Лиги Мира и тому подобныя организациі, никакіе договоры, признающіе войну преступленіемъ, не заставятъ народы отказаться отъ *права на эту борьбу, отъ права на войну*, когда дѣло дойдетъ до ихъ жизненныхъ и высшихъ національныхъ интересовъ.

Недаромъ нынѣ, когда больше, чѣмъ когда-нибудь, идутъ разговоры о вѣчномъ мирѣ, проповѣдуются ученія, организуются разные союзы и заключаются всевозможные договоры противъ войны, всѣ государства напрягаютъ свои силы къ тому, чтобы быть готовыми къ войнѣ, быть лучше другихъ подготовленными къ ней. — одни для сохраненія и обезпеченія своего настоящаго положенія, другіе для достиженія своихъ національныхъ стремленій и потребностей, третьи для полученія первенствующаго и даже міроваго значенія въ соотвѣтствіи съ матеріальной и духовной мощью народовъ, ихъ составляющихъ.

Разъ это такъ, то вопросъ о *подготовкѣ къ войнѣ* во всѣхъ отношеніяхъ, объ *организациі побѣды* надъ тѣми, кто сможетъ и захочетъ помѣшать осуществленію тѣхъ или иныхъ изъ указанныхъ выше задачъ, *пріобрѣтаетъ дѣйственное* и при томъ *весьма важное значеніе*.

Особенное значеніе этотъ вопросъ *пріобрѣтаетъ для насъ русскихъ*.

Историческая жизнь Россіи на путяхъ осуществленія ея матеріальныхъ и духовныхъ національныхъ интересовъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ была остановлена и даже повернута на много лѣтъ назадъ. Россія потеряла даже свое болѣе, чѣмъ тысячелѣтнее имя.

Національный духъ народа, его русская стихія, сознаніе своего историческаго предназначенія и своего значенія среди

другихъ народовъ. ощущение своей физической и моральной мощи, своей даровитости и талантливости, вѣрная оцѣнка своей духовной организаціи, отличной отъ таковой другихъ народовъ. не сегодня-завтра заставятъ русскій народъ, сбросивъ всякаго рода путы. его нынѣ связывающіе, *вернуться на прежній историческій путь*, къ рѣшенію національно-органическихъ своихъ задачъ. и прежде всего для того. чтобы возвратить Россіи ея славное и дорогое для насъ имя, занять среди другихъ государствъ подобающее ей мѣсто, развернуть во всю ширь ея матеріальныя возможности. дать выявиться въ полной мѣрѣ ея духовнымъ богатствамъ и. въ концѣ концовъ. выполняя миссію, возложенную на нее свыше, и руководясь истинами Православія. вести человѣчество къ духовному совершенствованію.

Безъ борьбы внутренней и внѣшней. т. е. безъ войнъ гражданской и международныхъ добиться этихъ цѣлей не представляется возможнымъ.

Такимъ образомъ. Россіи уже въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ войны и при томъ многочисленныя и очень тяжелыя.

Чтобы побѣдить въ этихъ войнахъ. Россіи нужна *организація соответствующихъ общихъ и специальныхъ средствъ* и нужно *умѣть использовать эти средства* въ опредѣленномъ направленіи.

То и другое составляетъ задачу военного искусства.

Военное искусство. какъ по своимъ задачамъ. такъ и по своей цѣли представляется искусствомъ чрезвычайно *сложнымъ* и *труднымъ*; и. несомнѣнно. поэтому. какъ организація средствъ войны. такъ и использование ихъ для веденія ея — не могутъ производиться *безъ определенной системы, безъ какого-либо плана, случайно, безъ направляющей идеи.*

Такая система. такія руководящія идеи въ военномъ искусствѣ. какъ. впрочемъ и во всякомъ другомъ. могутъ быть установлены лишь при наличіи *основныхъ положеній, принциповъ* или *законовъ*. основанныхъ на природѣ вещей и на естественномъ взаимоотношеніи явленій. вытекающихъ изъ этой природы.

Наличіе такихъ принциповъ (законовъ) признается *всеми великими практиками* военного искусства — *великими полководцами*. а также *всеми первоклассными теоретиками* военного дѣла — выдающимися *военными учеными.*

Великіе полководцы силою своего генія *интуитивно постигали* эти принципы. сознательно на практикѣ *устанавливали ихъ* *наличіе* и давали блестящіе образцы ихъ *использованія.*

Выдающіеся военные ученые. изучая дѣянія великихъ полководцевъ. а также другихъ военачальниковъ. изслѣдуя возможно большее число войнъ. въ свою очередь *убѣждались въ существованіи законовъ* военного искусства, *вскрывали ихъ*

сущность, точно формулировали ихъ, дѣлали познаніе ихъ доступнымъ для всѣхъ и наглядно доказывали, во-1-хъ, что принципы военнаго искусства постоянны и неизмѣнны и что только примѣненіе ихъ различно, въ зависимости отъ сложившейся обстановки и во-2-хъ, что только слѣдованіе принципамъ военнаго искусства и умѣлое примѣненіе ихъ соотвѣтственно обстановкѣ—приводило къ боевой удачѣ, а нарушеніе принциповъ, забвеніе ихъ приводило неминуемо къ неудѣлу.

И эти положенія справедливы при всякаго рода войнахъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ вооруженной борьбы, при боевыхъ дѣйствіяхъ различнаго характера — будутъ ли это войны международныя или гражданскія. ведется ли вооруженная борьба въ мѣстности обыкновенной, въ горахъ, степяхъ, въ мѣстности лѣсистой или болотистой. происходятъ ли боевыя дѣйствія въ полѣ, подъ крѣпостями, на разнаго рода укрѣпленныхъ позиціяхъ, большими или малыми силами, наступленіемъ или обороной, регулярнымъ способомъ или партизанскимъ.

Къ сожалѣнію, какъ показываетъ опытъ многочисленныхъ войнъ, люди далеко не всегда относятся съ надлежащимъ уваженіемъ къ опредѣленно установленнымъ и практикой и теоріей военнаго дѣла принципамъ военнаго искусства. Одни—по крайнему невѣжеству; другіе, — полагая, что принципы пригодны только въ извѣстныхъ случаяхъ, при боевыхъ дѣйствіяхъ опредѣленнаго характера; третьи — считая, что въ военномъ искусствѣ вообще не можетъ быть никакихъ принциповъ, и что для искусства веденія военныхъ дѣйствій нуженъ только навыкъ и нѣкоторая талантливость.

Такое отрицательное, въ томъ или иномъ видѣ, отношеніе къ принципамъ, приводитъ при военныхъ дѣйствіяхъ, прежде всего, къ *крайнему напряженію усилій* дѣйствующихъ войскъ, требуетъ *необычайнаго героизма* съ ихъ стороны и вызываетъ *массу кровавыхъ жертвъ*, и если иногда даетъ *частныя успѣхи*, то въ конечномъ результатѣ завершается *полной неудачей*.

Примѣры такого отношенія къ принципамъ военнаго искусства особенно часто и при томъ до самаго послѣдняго времени, какъ показываетъ безпристрастная исторія, можно подмѣтить въ *русской арміи*.

Вотъ почему наши войны при встрѣчѣ съ болѣе или менѣе серьезнымъ и «строгимъ» противникомъ всегда были *излишне кровопролитны*; вотъ почему боевыя дѣйствія у насъ сплосны и рядомъ *велись безъ системы, безъ руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь съ потерями, руководствуясь убѣжденіемъ*, что мы «шапками закидаемъ»; вотъ почему наши *успѣхи* обычно были *случайными*, а наши *неудачи* — *естественными* и потому *частыми*; вотъ почему нашимъ военнначальникамъ приходилось *учиться уже на войнѣ и войною*, платя за свои уроки *рѣзкими безрезультатно пролитою кровью*.

Готовясь нынѣ къ войнѣ, мы должны прежде всего проникнуться мыслью о несомнѣнномъ существованіи принциповъ военнаго искусства, о громадномъ значеніи ихъ, о необходимости ихъ изучить и научиться примѣнять ихъ при всякой обстановкѣ. Мы должны разъ навсегда оставить мысль, что можно, особенно при современныхъ условіяхъ, вести войну и отдѣльныя боевыя дѣйствія безъ слѣдованія принципамъ военнаго искусства. Мы должны твердо усвоить себѣ, что только при уваженіи къ принципамъ военнаго искусства можно воевать и добиваться побѣды по слову Петра Великаго «съ легкимъ трудомъ и малою кровью».

Намъ тѣмъ легче исполнить все это, что наша отечественная исторія даетъ богатый матеріаль для изученія военнаго искусства съ этой точки зрѣнія.

Изучайте походы и сраженія Святослава Кіевскаго, Дмитрія Донскаго, Великаго Князя Московскаго Іоанна III, Царя Іоанна IV, Петра Великаго, Миниха, Салтыкова, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Скобелева, Гурко—и вы познаете въ чемъ состоятъ принципы военнаго искусства, каково ихъ значеніе, какъ ихъ примѣнять при различной обстановкѣ и что даетъ въ результатъ искусное слѣдованіе имъ.

Изучайте наши первыя войны съ Наполеономъ, войны царствованія Императора Николая I, Японскую войну 1904—05 г.г. и Великую Міровую войну и вы познаете къ чему ведетъ сознательное или бессознательное пренебреженіе принципами военнаго искусства, сколько лишней крови было пролито при этихъ условіяхъ за достиженіе частныхъ успѣховъ, почему въ этихъ войнахъ постигла насъ конечная неудача, однако, также оплаченная многочисленными напрасными жертвами. —

Во всякой борьбѣ одерживаетъ верхъ, побѣждаетъ *сильнѣйшій*.

Это законъ природы.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и въ зависимости отъ сущности другихъ факторовъ вооруженной борьбы, главнѣйшимъ принципомъ военнаго искусства является такъ называемый «*принципъ частной побѣды*».

Принципъ этотъ требуетъ *быть сильнѣйшимъ на рѣшительномъ (важнѣйшемъ) пунктѣ въ рѣшительную минуту*.

Ударъ произведенный при такихъ условіяхъ на этомъ пунктѣ въ моментъ, наиболѣе благопріятный для насъ и наименѣе благопріятный для противника (рѣшительный), приводитъ къ успѣху на этомъ пунктѣ. Вслѣдствіе же причинъ матеріальныхъ спеціальнаго характера, а также нравственныхъ и психологическихъ, — этотъ частный успѣхъ влечетъ за собою физическую и духовную невозможность сопротивленія на другихъ пунктахъ поля борьбы и, въ конечномъ результатѣ, приводитъ къ общему успѣху. *общей побѣдѣ* въ данномъ сраженіи.

Быть сильнѣйшимъ — это значить имѣть *численное превосходство* и обладать болѣе высокими *качествами*.

Но изъ двухъ свойствъ, которыя даютъ возможность быть сильнѣйшимъ, наибольшее значеніе имѣетъ *качество*, а не *количество*, ибо именно оно даетъ: наибольшее искусство дѣйствій и владѣнія средствами борьбы, напряженіе усилий, порывъ, стремительность, настойчивость, упорство, энергію, стремленіе къ наибольшей согласованности дѣйствій, способность проявить жертвенный героизмъ вплоть до отреченія отъ себя въ пользу общаго дѣла и до готовности положить душу свою за други своя; иными словами — качество даетъ все то, что дѣлаетъ человѣка сильнѣе.

Съ другой стороны количество всегда въ ущербъ качеству, въ особенности въ случаяхъ, гдѣ стихійно должна проявиться дѣятельность человѣческаго духа.

Поэтому для осуществленія столь необходимаго для общаго боевого успѣха принципа частной побѣды нѣтъ нужды непременно быть превосходнѣйшимъ въ числѣ (преобладать количествомъ). А потому, стремясь быть сильнѣйшимъ и принимая во вниманіе, что дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ легче менѣе многочисленными, а значить и менѣе громоздкими, болѣе подвижными и удобнѣе управляемыми массами, нужно стараться обладать преимущественно *превосходнѣйшимъ качествомъ*.

Изъ этого можно и должно сдѣлать заключеніе, что для того, чтобы быть сильнѣйшимъ на рѣшительномъ пунктѣ въ рѣшительную минуту *нѣтъ* необходимости имѣть численное превосходство *и на всемъ полѣ сраженія*, хотя бы оно простиралось на многіе десятки верстъ, ибо и здѣсь должно отдать преимущество качеству надъ количествомъ.

А отсюда прямой логическій выводъ, что и *на всемъ театрѣ войны* можно съ успѣхомъ бороться съ противникомъ, не имѣя численнаго надъ нимъ превосходства, но обладая войсками, превосходящими его войска качественно.

Наряду съ этимъ нужно признать, что въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, въ силу причинъ соціальныхъ, экономическихъ и духовныхъ, и вслѣдствіе развитія идей съ одной стороны антигосударственныхъ, а съ другой стороны націоналистическихъ — содержать вооруженныя силы, численно громадныя, для всякаго государства гораздо труднѣе, тяжелѣе и менѣе матеріально выгодно, чѣмъ относительно незначительную армію, но за то хорошо подготовленную.

Такимъ образомъ, все говоритъ за то, что не только нѣтъ надобности, но и гораздо полезнѣе въ цѣляхъ достиженія конечной военной цѣли войны — одержанія полной побѣды надъ врагомъ — и гораздо выгоднѣе, съ точки зрѣнія матеріальной и моральной тяжести для государства и народа, имѣть въ качестве средства для вооруженной борьбы не «*вооруженный*

народъ» и не «*полчища*», а относительно *небольшую армию*, каковую только и можно отлично подготовить, т. е. придать ей во всѣхъ отношеніяхъ *высокое качество*, это первенствующее свойство, дающее возможность быть сильнѣйшимъ на всѣхъ и на отдѣльныхъ театрахъ войны, на каждомъ полѣ сраженія и въ рѣшительномъ пунктѣ его въ рѣшительную минуту.

Относительность при опредѣленіи «*незначительной*» арміи зависитъ отъ многихъ причинъ и предѣлы ея различны для разныхъ государствъ.

Она зависитъ: отъ величины самого государства; отъ численности народа, его составляющаго; отъ географическаго положенія государства; отъ протяженія и характера его границъ; отъ естественныхъ его богатствъ; отъ промышленнаго и экономическаго его развитія, его государственнаго смысла, силы и качества патріотизма, осознанія имъ своей провиденціальной миссіи; отъ его духовнаго развитія, въ частности отъ его религіозности и просвѣщенности вообще.

Всѣ эти данныя, обуславливая максимальную численность «*небольшой*» арміи, въ то же время должны опредѣлить и ту *военную систему*, которая можетъ обезпечить формированіе, организацію, пополненіе, снабженіе всѣмъ необходимымъ и боевую подготовку арміи, дающую ей наивысшее качество. — —

Качество арміи, въ соотвѣтствіи съ природой человѣка, складывается изъ элементовъ *матеріальныхъ* и *духовныхъ*.

Къ *первымъ* относятся: физическое здоровье, сила и крѣпость каждаго воина: все необходимое для жизни арміи во всѣ періоды ея существованія и дѣятельности (обмундированіе, снаряженіе и т. д.); всякаго рода оружіе для веденія дѣйствій вообще и боя въ частности; обученность отдѣльнаго бойца и цѣлыхъ частей различной величины; владѣніе оружіемъ, какъ въ одиночку, такъ и въ совокупности; искусство выполнять раздѣльно и согласованно различнаго рода дѣйствія, вызываемая боевою обстановкою; навыки, способствующие, при наименьшей затратѣ физической силы и энергіи, выполненію всего того, что можетъ быть потребовано на войнѣ силою вещей, волею руководителей всякихъ степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести и организацію войсковыхъ частей, ибо она способствуетъ искусному пользованію оружіемъ и выполненію необходимыхъ боевыхъ дѣйствій.

Къ *духовнымъ* элементамъ качества относятся: способность преодолевать чувство самосохраненія, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергія, настойчивость, увѣренность въ себѣ, душевный подъемъ, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознанія, хладнокровіе, душевное равновѣсіе, терпѣливость, воодушевленіе, бодрость, готовность жертвовать собою для другихъ и для общаго дѣла.

Какъ бы ни были совершенны *физическія свойства* человѣка, онъ не въ состояніи будетъ использовать ихъ на войнѣ

и особенно въ бою. если онъ потеряетъ способность преодолевать *чувство самоохраненія*; какъ бы богато ни были *снабжены* каждый воинъ въ отдѣльности и вся армія въ общемъ различнаго рода предметами снабженія, хотя бы и наивысшаго качества. они не принесутъ имъ пользы, если воинъ въ то же время утратитъ *волю, духовную энергію и твердость*; какъ бы совершенно ни было въ арміи *оружіе*, оно будетъ для нея совершенно излишне. если наряду съ этимъ воинъ въ бою теряетъ *ясность сознанія и увѣренность въ себя*; никакое *умнѣе владѣть оружіемъ*, никакое *искусство производить различныя боевыя дѣйствія* и никакіе *полезныя навыки* не приведутъ къ успѣху. если армія сверхъ этого не будетъ обладать *храбростію, мужествомъ, душевнымъ равновѣсіемъ, хладнокровіемъ, спокойствіемъ*; никакая самая лучшая *организація*, даже вполне отвѣчающая принципамъ военного искусства. не выполнитъ своего назначенія, если въ арміи не будетъ *полной воинской дисциплины*.

Къ этому нужно прибавить, что армія не въ состояніи будетъ преодолѣть всѣхъ тѣхъ *физическихъ тяготъ, неудобствъ и неприятностей* и тѣхъ *моральныхъ испытаній*, которыя сопровождаютъ войну постоянно и непрерывно. если солдаты ея не будутъ обладать *силою воли, настойчивостію, упорствомъ, терпимостію* . . .

Наконецъ, только обладая *высокимъ душевнымъ подъемомъ, загватывающимъ воодушевленіемъ, сильною стремительностію, горячимъ порывомъ, неизсякаемой энергіей и бодростію, жаждой побѣды* во что бы то ни стало. *готовностію жертвовать собою за другихъ и для побѣды*. армія можетъ выказать *наивысшее напряженіе всѣхъ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ* для преодоленія наисильнѣйшаго сопротивленія врага. опирающагося на всѣ свои матеріальныя средства и воодушевленнаго желаніемъ не уступать до конца.

Такимъ образомъ. всѣ матеріальныя элементы находятся въ *зависимости* отъ духовныхъ и первые теряютъ *всякое значеніе* при отсутствіи или даже недостаточности вторыхъ.

Поэтому. несомнѣнно, *духовная, нравственная сторона* имѣетъ преимущество надъ *матеріальной*.

Духъ преобладаетъ надъ матеріей.

А. Н. Баювъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ревель.

О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Какія бы еще социалистическія или коммунистическія потрясенія ни были суждены человѣчеству, — нынѣ можно уже съ увѣренностью сказать, что они поведутъ не къ отверженію, *а къ новому осмысленію и обоснованію частной собственности.* Внимательно наблюдающему глазу ясно, что наивысшій подъемъ социалистическихъ надеждъ и иллюзій уже *отошелъ въ прошлое*: переваль остался за плечами; и хотя новыя «побѣды и «завоеванія» социализма совсѣмъ еще не исключены, однако, коммунистическій экспериментъ въ Россіи нанесъ всему движенію тяжелый и непоправимый ударъ. Лучше всего это чувствуютъ и сознаютъ социалисты; это выражается не только въ той жалкой рестерянности и обезкураженности, въ которой пребываютъ *русскіе* социалисты не-большевики, но и въ той злобѣ, съ которой пишутъ и говорятъ *иностранные* социалисты о коммунистахъ въ Россіи; и, что еще замѣчательнѣе, это тѣ признанія, которыя нынѣ можно слышать отъ иностранныхъ социалистовъ. — конечно въ «совершенно довѣрительномъ» порядкѣ: они начали догадываться о *хозяйственной неосуществимости* социалистическаго строя, о *нежизненности* и *хищеричности* всей ихъ программы; и иногда они выговариваютъ это съ большою отчетливостью». Публично они этого конечно не произносятъ; напротивъ — они считаютъ необходимымъ продолжать прежнюю пропаганду и усиливать давленіе на имущіе классы, ссылаясь на «инерцію массоваго психоза» и на невозможность «уступить массы коммунистамъ»... Но это означаетъ только, что демагоги становятся плѣнниками и заложниками толпы, тогда какъ въ душѣ ихъ нѣтъ уже ни пафоса, ни вѣры.

Еще недавно, передъ революціей, русское «общественное мнѣніе», отчасти совращенное, отчасти подавленное и запуганное социалистами, склонялось передъ ними, какъ передъ носителями «новой справедливости»: сочувствовать социализму считалось чуть ли не признакомъ политической порядочности; отстаивать частную собственность считалось проявленіемъ классовой жадности, негуманности и реакціонности. Казалось, что защищать частную собственность *идейно и принципиально* вообще нельзя: конечно можно быть «капиталистомъ» и бороться за *свое* имущество или богатство, — чтобы его не отняли; но по существу... *что же можно сказать въ защиту принципа частной собственности по существу?* Развѣ этотъ принципъ не означаетъ — торжество «эгоизма и своекорыстія»? самое вопіющее «неравенство и несправедливость»? роскошь и нищету? эксплуатацію и угнетеніе? и потомъ —

«безобразную конкуренцію», перепроизводство, кризисы, безработицу, вырожденіе рабочаго класса, «капитализмъ» и «милитаризмъ»?!. Только «продажные идеологи буржуазіи» могутъ защищать *принципъ частной собственности* и вытекающій изъ него *хозяйственный и правовой строй*; *всѣ* же идейные и безкорыстные люди «мыслятъ социалистически»...

Съ тѣхъ поръ русское общественное мнѣніе получило необычайный по суровости и по разрушительной силѣ урокъ, и время социалистической запуганности прошло для него безвозвратно. И если за одиннадцать лѣтъ революціи вопросъ объ обоснованіи частной собственности не сдвинулся съ мѣста, то это объясняется отнюдь не прежнимъ гипнозомъ социализма, а скорѣе идейнымъ бесплодіемъ русскаго зарубежья.

Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, какъ повидимому думали и Руссо, и Прудонъ. Напротивъ, она вложена въ чело-вѣка и подсказана ему *самою природою*, подобно тому, какъ отъ природы чело-вѣку даны индивидуальное *тѣло* и индивидуальный *инстинктъ*. Чело-вѣкъ отъ Бога и отъ природы созданъ такъ, что онъ (тѣломъ своимъ) есть вещь среди другихъ вещей и непрерывно нуждается въ этихъ другихъ вещахъ (ходить, лежать, дышать, согрѣвается, питается, лѣчится и т. д.). Для того, чтобы жить, чело-вѣкъ долженъ *заниматься этими вещами, приспособлять* ихъ къ своимъ потребностямъ, посвящать имъ свое время, отдавать имъ свой *трудъ* (тѣлесный и душевный), *совершенствовать ихъ, вкладывать въ нихъ себя и свои цѣнности*, — словомъ *превращать ихъ въ объективное выраженіе и продолженіе собственной личности*.

Эту связь свою съ вещами, это вкладываніе себя въ нихъ — чело-вѣкъ можетъ свести къ самому скудному минимуму; одни дѣлаютъ это отъ лѣни и безпечности (напр. итальянскіе лацарони), другіе ради высшаго духовнаго сосредоточенія (индійскіе йоги, христіанскіе аскеты). По совсѣмъ обойтись безъ этого, — чело-вѣку не дано. У чело-вѣка же создающаго *хозяйственную культуру* — это общеніе съ вещами становится основной формой дѣятельности.

Хозяйствуя, чело-вѣкъ не можетъ не *сживатьъся съ вещью*, вживаясь въ нее и вводя ее въ свою жизнь. Хозяинъ отдаетъ своему участку, своему лѣсу, своей постройкѣ, своей библиотекѣ — не просто время и не только трудъ; онъ не только «поливаетъ потомъ» свою землю и дорабатывается до утомленія, до боли и ранъ на тѣлѣ; онъ *творчески заботится* о своемъ дѣлѣ вчувствуется въ него воображеніемъ, изобрѣтаетъ, напрягается волею, радуется и огорчается, *болтаетъ сердцемъ*. Онъ не только творитъ и опредѣляетъ судьбу своихъ вещей, но онъ и самъ связываетъ съ ними *свою судьбу*, ввѣряя имъ и свое настоящее, и свое будущее (свое, своей жены, дѣтей, потомства, рода).

Всѣ страсти человѣческія вовлекаются въ этотъ хозяйственный процессъ — и благородныя, и дурныя, — отъ религіозно-художественныхъ побужденій, до честолюбія, тщеславія и скупости; *всѣ интересы человѣческіе* связываются съ успѣхомъ и неуспѣхомъ дѣла — отъ инстинкта самосохраненія, до удовлетворенія самыхъ высшихъ и духовныхъ потребностей. Человѣкъ связывается съ вещами — не только *матеріальнымъ интересомъ*, но и *волею къ совершенству, и творчествомъ, и любовью*.

Все это не пустыя слова и не отвлеченныя выдумки. Называя свою землю «матушкой» и «кормилицей», пахарь дѣйствительно *любитъ* ее; садовникъ не просто «копается въ саду», но *творчески чувствуетъ* жизнь своихъ цвѣтовъ и деревьевъ; строя себѣ домъ, человѣкъ создаетъ свой *интимный уголокъ*, свой *священный очагъ*, какъ бы свое новое «я»; всѣ истинные коневоды были *художественно влюблены* въ свое дѣло; и погромщикъ страшень не убытками, а завистью и ненавистью къ чужому достиженію и *совершенству, презрѣніемъ къ чужому творчеству*. Человѣку дано — *художественно индивидуализировать* не только свое отношеніе къ людямъ, но и свое отношеніе къ внѣшнимъ вещамъ, къ природѣ, къ зданіямъ, къ быту, къ клочку земли. Человѣку дано — *художественно отождествляться* не только съ друзьями и съ образами любимыхъ поэтовъ, но и съ розами въ саду, и съ насажденнымъ его руками лѣсомъ, съ колосящеюся нивою и съ построенною имъ фабрикою. Только люди религіозно мертвые и художественно опустошенныя, люди механическаго вѣка, люди разсудочные и бумажно-кабинетные — могутъ думать, что хозяйственный процессъ слагается изъ *эгоистическаго корыстолюбія* и *физическаго труда*, и что онъ состоитъ въ томъ, что «корыстолюбцы» «высасываютъ кровь» изъ «чернорабочихъ»; трудно сказать, чего больше въ этомъ воззрѣніи — отвлеченной выдумки, моральнаго ханжества или лукавой демагогіи; но несомнѣнно, что живая и глубокая сущность хозяйственно-творческаго процесса просмотрѣна и упущена въ ней совершенно. Расцвѣтъ и обиліе создаются не «голодомъ» и не «жадностью»; и не просто *здоровымъ инстинктомъ* и *интересомъ*; но *всю душу и весь духомъ* — призваніемъ и вдохновеніемъ, «любовью, честью, гордостью, смѣткой, волей»...¹⁾ тѣмъ «творчествомъ, которое привязываетъ къ мѣсту» и въ которомъ «наклонности и обязанности» сливаются во едино²⁾. У каждаго человѣка сочетаніе этихъ побужденій и силъ выражено по своему: но каждый участвуетъ въ творческомъ общеніи съ ве-

¹⁾ Какъ это прекрасно выражено у П. С. Шмелева. См. его разсказъ «Въ ударномъ порядкѣ», въ Сборникѣ «Про одну старуху», стр. 128.

²⁾ См. чудесныя формулы у князя С. М. Волконскаго. Родина. Особенно въ главѣ «Павловка», стр. 33, 36 и др.

щами — *встѣмъ своимъ существомъ*; и успѣхъ его творчества обуславливается не только усиліями его *инстинкта*, но и напряженіемъ его *духа*.

Итакъ, хозяйственный процессъ есть *творческій* процессъ; отдаваясь ему, человѣкъ *вкладываетъ свою личность въ жизнь и въ совершенствованіе вещей*. Вотъ почему хозяйственный трудъ имѣетъ *духовную* природу: религіозную — ибо въ основѣ его лежитъ религіозное *пріятіе міра*³⁾; нравственную — ибо онъ есть проявленіе *любви* и осуществленіе *долга*; художественную — ибо онъ заставляетъ человѣка *вчувствоваться* въ жизнь вещей, *отождествляться* съ ними и *совершенствовать* ихъ способъ бытія⁴⁾; и, наконецъ, познавательную — ибо онъ ведетъ человѣка къ *изученію* тѣхъ законовъ, которые правятъ вещами и ихъ судьбою. Эта *лично-инстинктивная* и *лично-душевная* связь человѣка съ вещами — имѣетъ одновременно и *хозяйственно-производственное* и *духовно-творческое* значеніе; и потому оно непременно должно быть признано, закрѣплено и ограждено *правомъ*, осмыслено, какъ необходимое, справедливое и ненарушимое *полномочіе*. Человѣку *необходимо* вкладывать свою жизнь въ жизнь вещей: это неизбѣжно отъ природы и это драгоцѣнно въ духовномъ отношеніи. Поэтому это есть *естественное право* человѣка, которое и ограждается законами, правопорядкомъ и государственною властью. Это и есть *право частной собственности*.

Право частной собственности *властно* и *исключительно*, хотя, конечно, *не безгранично*. Безграничнаго права вообще нѣтъ: всякое полномочіе гдѣ нибудь кончается, именно тамъ, гдѣ начинается *чужое* полномочіе и, соотвѣтственно, — *моя* обязанность и *моя* запретность. Въ разныхъ государствахъ эти границы частной собственности (и по объекту права, и по содержанию) могутъ быть вычерчены въ законахъ различно. И тѣмъ не менѣе въ своихъ, установленныхъ предѣлахъ право частной собственности *властно*⁵⁾ — ибо только одинъ собственникъ въ правѣ рѣшать, насколько, когда и какъ онъ вложитъ свою личность въ жизнь и судьбу своей вещи; и въ то же время это право *исключительно* — ибо въ предѣлахъ своихъ полномочій собственникъ въ правѣ исключить, отвести всякое

³⁾ См. мою статью «О пріятіи міра», въ № 6 «Русскаго Колокола».

⁴⁾ Эту священную, одновременно естественную и художественно-благодатную природу хозяйственного труда особенно глубоко чувствовалъ графъ Л. Н. Толстой. Къ сожалѣнію, онъ усматривалъ ее (то преимущественно, то исключительно) въ *физическомъ* трудѣ, являясь, въ этомъ отношеніи, послѣдователемъ нигилистовъ и предшественникомъ большевизма. См. особенно его революціонно-нигилистическую сказку «Объ Иванѣ-Дуракѣ».

⁵⁾ Конечно, не въ публично-правовомъ смыслѣ, потому что это есть власть не надъ другимъ человѣкомъ, а надъ собою и надъ вещью.

третье лицо отъ распоряженія данною вещью (простымъ непозволеніемъ или запретомъ⁶⁾).

Этотъ кругъ *исключительной власти надъ вещами* необходимъ каждому человѣку, чтобы онъ *хотѣлъ* и *могъ увѣренно* и *цѣльно* вкладываться въ эти «свои вещи», то расширяя ихъ кругъ трудомъ и законнымъ приобрѣтеніемъ, то суживая этотъ кругъ распродажей, дареніемъ и уничтоженіемъ. Когда хотятъ наказать каторжника, то этотъ кругъ сводятъ нарочно къ минимуму или угашаютъ почти совсѣмъ. Когда вводятъ и поддерживаютъ сельско-хозяйственную общину съ ея періодическими передѣлами, то этимъ превращаютъ собственника въ *условнаго* и *временнаго пользователя* участкомъ и подрываютъ въ немъ и трудовой интересъ, и душевную волю къ увѣренному и цѣлостному самовложенію въ землю (т. е. волю и способность къ качественному, интенсивному хозяйству). Когда надъ какой нибудь группой собственниковъ или надъ цѣлою страной повисаетъ угроза *принудительнаго* отчужденія или тѣмъ болѣе *безвозмезднаго* отчужденія — то это пресѣкаетъ и убиваетъ *творческое* довѣріе собственника къ вещамъ и къ людямъ, и разрушаетъ весь хозяйственный процессъ. Соціализмъ и коммунизмъ отвергаютъ естественное право людей имѣть частную собственность и тѣмъ практически равняютъ ихъ съ *каторжниками*, или ставятъ ихъ душевно и духовно въ положеніе *хозяйственныхъ кастратовъ*. Безспорно, у человѣка всегда остается возможность устраивать общественную жизнь нелѣпно, противоестественно и пагубно; но нелѣпое и пагубное неизбѣжно приноситъ злые и гибельные плоды; оно оказывается *нежизнеспособнымъ* и ведетъ только къ *растратѣ силъ* и *разрушенію культуры*, что и доказалъ соціалистическій опытъ въ Россіи.

Все это означаетъ, что принципъ частной собственности *не* есть дѣло человѣческой выдумки, и что поддержаніе его *не* предоставлено на усмотрѣніе человѣческаго произвола. Огражде-

⁶⁾ Эти аксіомы нисколько не поколеблены аргументами извѣстнаго пѣмецкаго юриста Отто Гирке, которыми онъ, приближаясь къ соціалистамъ, пытается обосновать «соціальное право» собственности («Die soziale Aufgabe des Privatrechtes»). Въ построеніяхъ Гирке напоръ «общества» на частнаго собственника, какъ бы вѣдается въ право собственности и выѣдаетъ изъ него не только рядъ содержательныхъ полномочій, но и самую существенную природу собственности. Именно въ этомъ порядкѣ Гирке сочувствуетъ коммунистическимъ воззрѣніямъ массы на землю, какъ на «Gemeingut» и превращаетъ земельную собственность въ «ограниченное право пользования» (стр. 21, 22); это, пожалуй, уже больше, чѣмъ «одна капля соціалистическаго масла», которою онъ хотѣлъ «пропитать» свои воззрѣнія на гражданское право (стр. 13). Я думаю, что подобное соціалистическое разложеніе и вывѣтриваніе права частной собственности предстовать въ наши дни всякому эмпирическому юристу, не установившему различія между «соціальнымъ» и «соціалистическимъ» и не положившему въ основу своего изслѣдованія естественно-правовую идею частной собственности.

ніе частной собственности, ограниченіе ея, пользование ею — зависить отъ человѣка; но самое существованіе частной собственности, ея принципъ, ея институтъ — зависять не отъ человѣческаго усмотрѣнія, а отъ того *способа земного бытія*, который данъ человѣку отъ Бога и отъ природы?).

Нынѣ мы можемъ съ увѣренностью сказать, что только тотъ способъ владѣнія и распоряженія вещами имѣетъ будущее, который *поощряетъ человѣческой инстинктъ — творчески предаваться хозяйственному самовложенію въ вещи; изживатьъ въ этомъ самодѣятельно и интенсивно; увѣренно и безъ опасливыхъ оглядокъ создавать свое лучшее*. Таковъ строй частной собственности. Напротивъ, тѣ способы владѣнія и распоряженія вещами, которые подавляютъ человѣческой инстинктъ, застраиваютъ его, обезсиливаютъ и кастрируютъ — осуждены съ самаго начала и лишены будущаго. Таковы социализмъ и коммунизмъ. Понятно, что все это имѣетъ особенное значеніе именно для *частной собственности на средства производства*. Частная собственность является тою формою человѣческаго труда, которая наиболѣе благоприятствуетъ творческимъ силамъ человѣческаго инстинкта и человѣческаго духа, освобождаетъ ихъ, развязывая, вызывая къ жизни и побуждая ихъ къ труду. И въ этомъ отношеніи частная собственность не можетъ быть замѣнена *ничѣмъ*: ни приказомъ и принужденіемъ (коммунизмъ), ни добродѣтелью и нравственностью («христіанскій социализмъ»). Въ теченіе нѣкотораго времени возможно принуждать человѣка *вопреки* его инстинкту; возможно также стать «добродѣтельнымъ» *вопреки* своему инстинкту; но противоестественное принужденіе и противоестественная добродѣтель обречены съ самаго начала на крушеніе. Человѣческой инстинктъ *необходимо принять въ томъ видѣ*, въ которомъ *онъ данъ намъ отъ Бога и отъ природы*: въ его индивидуальномъ способѣ жизни и въ его *инициативной самодѣятельности*. Инстинктъ можно и должно обуздывать, воспитывать, облагораживать. Но никакой земной произволь и никакое разсудочное умничанье, не можетъ передѣлать, переплавить, перековать тотъ лично-творческой способъ жизни, который присущъ человѣку. Пусть социалистъ упускаетъ это изъ вида; пусть

?) Эта идея о *естественности и природной необходимости* частной собственности развита, между прочимъ, и въ католической литературѣ въ замѣчательной энцикликѣ Папы Льва XIII «*Regum novarum*» отъ 15 мая 1891 года, направленной противъ социализма. Левъ XIII слѣдуетъ въ основномъ за Фомаю Аквинскимъ, который, въ свою очередь, слѣдуетъ въ основномъ за Аристотелемъ. Интересно отмѣтить, что въ современной католической литературѣ и практикѣ можно найти не мало двусмысленныхъ и полусоциалистическихъ сужденій и голосяваній по вопросу о частной собственности; поэтому, профессоръ Песль, въ сущности, совершенно правъ, указывая на то, что энциклика Папы Льва XIII выражаетъ отнюдь не возрѣшеніе католической церкви, а только личное мнѣніе гениальнаго человѣка, занимавшаго папскій престоль. См.: Prof. Dr. L. Pesl. Kirche und Bodenreform. S.S. 51 и др.

коммунисты отвергают и «отмѣняютъ» это въ своихъ декретахъ. Но именно потому имъ и обезпеченъ самый жалкій провалъ.

Если воспретить человѣку творить *по собственному почину* и побужденію — то онъ вообще перестанетъ творить; ибо творчество или свободно и самопочинно, или оно пресѣкается вообще. Любить, созерцать и молиться можно только *свободно*, исходя изъ своей *собственной потребности*. Этого законъ дѣйствуетъ не только въ религіи и въ искусствѣ, но и въ жизни семьи и въ хозяйствѣ. Ибо и семья и хозяйство вырастаютъ изъ *любви* и всегда остаются *живымъ творчествомъ*. Изъ безразличія родится не творчество, а мертвое, механическое отправление, индифферентное и формальное отбываніе «очередного номера». Даже тогда, когда безразличный человѣкъ исполняетъ свою обязанность, онъ работаетъ безъ всякаго одушевленія; вдохновеніе незнакомо ему; творческая глубина его инстинкта остается холодной, не напрягается и бездѣйственно молчитъ. *Бракъ безъ любви* не создаетъ ни здоровой семьи, ни здороваго поколѣнія: онъ духовно и общественно *вреденъ*. И точно такъ же — *хозяйство безъ свободнаго, внутренняго побужденія*, безъ личной инициативы и частной собственности бюрократически ведѣмое безразличными чиновниками, не создаетъ ни благосостоянія, ни даже достаточнаго и доброкачественнаго продукта: оно общественно и государственно *вредно*.

Идея социализма есть по истинѣ одна изъ самыхъ несчастныхъ и безнадежныхъ идей въ человѣческой исторіи: исключить изъ хозяйственнаго процесса начало инстинктивной самодѣятельности, начало личного интереса, начало духовной свободы и начало довѣрчиваго самовложенія въ вещи. Все это рухнетъ съ отмѣной частной собственности; и то, что остается есть лишь безразличная нерадивость, пустая притязательность, продажный бюрократизмъ и самая жалкая безхозяйственность. Вотъ почему коммунисты, упразднивъ частную собственность въ Россіи, не только не подорвали и не скомпрометировали ее, какъ принципъ, но *реабилитировали* и *обосновали* ее. И если гдѣ нибудь иллюзіи социализма изжиты, и если гдѣ нибудь социализмъ на долгія времена лишенъ всякихъ перспективъ, то это именно въ Россіи, гдѣ вотъ уже одиннадцать лѣтъ коммунизмъ воспитываетъ умы и сердца къ частной собственности.

Если бы теперь, послѣ революціи, кто нибудь началъ исповѣдовать и проповѣдовать вредность собственности и спасительность социализма, то съ нимъ или совѣмъ не стали бы спорить, или отвѣтили бы ему краткимъ, но исчерпывающимъ обоснованіемъ частной собственности. И онъ услышалъ бы слѣдующее:

1. Частная собственность вызываетъ въ человѣкѣ инстинктивные побужденія и духовные мотивы для напряженнаго труда, для того, чтобы нещадить своихъ силъ и творить лучшее.

Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу; и тѣмъ воспитываетъ характеръ.

2. Она даетъ собственнику чувство увѣренности, довѣріе къ людямъ, къ вещамъ и къ землѣ, желаніе вложить въ хозяйственный процессъ свой трудъ и свои цѣнности.

3. Частная собственность научаетъ человѣка творчески любить трудъ и землю, свой очагъ и родину; она закрѣпляетъ его осѣдлость, безъ которой невозможна культура; она питаетъ и напрягаетъ его государственный инстинктъ; она раскрываетъ ему художественную глубину хозяйственного процесса и научаетъ его религіозному пріятію міра.

4. Частная собственность пробуждаетъ и воспитываетъ въ человѣкѣ правосознаніе, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его къ правовой взаимности и къ уваженію чужихъ полномочій, взращивая въ немъ вѣрное чувство гражданскаго порядка и гражданской свободы.

5. Наконецъ, частная собственность воспитываетъ человѣка къ *хозяйственной солидарности*, ненарушающей *хозяйственную свободу*: ибо каждый собственникъ, богатѣя, обогащаясь — и свое окруженіе, и самое народное хозяйство; и конкуренція собственниковъ ведетъ не только къ борьбѣ, но и къ творческому напряженію, необходимому для народнаго хозяйства. Самый путь къ организациі мірового хозяйства идетъ не черезъ социалистическое рабство, а черезъ культивированіе той солидарности, которая вырастаетъ изъ частной собственности.

Все это отнюдь не значитъ, что общественный и правовой строй, основанный на частной собственности, не имѣетъ своихъ великихъ трудностей, проблемъ и опасностей. Но проблемы эти коренятся не въ частной собственности, а глубже: онѣ вырастаютъ, какъ указалъ еще греческій философъ Анаксимандръ, изъ самаго способа бытія, присущаго человѣку отъ природы. Безсмысленно вводить социалистическій строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелѣпо воображать, что естество человѣка можно переплавить въ социалистическомъ духѣ: ибо если даже можно совратить человѣка и превратить его въ безбожника, въ труса и предателя, — то *инстинктъ* его все же останется *личнымъ* и *самодѣтельнымъ*.

Частная собственность необходима человѣку—и хозяйственно, и духовно; и онъ вернется къ ней изъ всѣхъ своихъ социалистическихъ блужданій и послѣ всѣхъ своихъ коммунистическихъ злодѣйствъ. Вернется и будетъ искать выхода на христіанскихъ путяхъ: *труда, изобилія, щедрости, неуравнивающей справедливости и свободной солидаризациі*.

И. А. Ильинъ.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

5. Святитель Стефанъ Пермскій.

Миссіонеромъ старой Руси былъ почти исключительно инокъ русскаго монастыря. Онъ умиралъ для міра съ его мірскими стремленіями, стяжаніемъ, честолюбіемъ, плотскою любовью и ненавистью, съ его семейнымъ счастьемъ, со всѣмъ тѣмъ, изъ за чего люди такъ много борются и страдаютъ въ земной жизни. «Аще зерно пшеничное впадеть въ землю, не умреть, то едино пребываетъ; аще ли умреть, то многъ плодъ сотворить», — это твердо усвоилъ русскій инокъ. Но онъ разумѣлъ тутъ смерть, какъ она понимается міромъ. Не смерть съ погребеніемъ тѣла, а лишь конецъ его господства надъ человекомъ, когда плоть остается существовать только какъ оболочка духа, воспріявшаго въ себя Христа и цѣликомъ отдавагося служенію Ему, не вѣдая иного господина кромѣ Него; — вотъ та смерть «зерна пшеничнаго», къ которой стремился инокъ. «Умертви бо ся всему міру, оживе же Христу, и многъ плодъ принесе, его же породе духомъ и унасе преподобіемъ и правдою», говорятъ житія.

Подвигу распространенія христіанской вѣры отдала себя значительная часть русскихъ иноковъ. Изъ ихъ общей массы мы знаемъ лишь небольшое число именъ. Остальные, сдѣлавъ свое святое дѣло, остались неизвѣстными. И длинный рядъ племенъ, славянскихъ и инородческихъ, получили Святое Благовѣстіе изъ устъ миссіонера Святой Руси. А идеальный образъ его даетъ намъ личность св. Стефана Пермскаго.

Родился св. Стефанъ (мірское имя его неизвѣстно) въ Устюгѣ, около 1345 года, и былъ сыномъ «нѣкоего христіанца мужа вѣрна христіанина, именовъ Симеона», бывшаго однимъ изъ «клириковъ» соборнаго храма. «Еще дѣтищемъ сый», онъ былъ отданъ отцомъ учиться грамотѣ, которою быстро овладѣлъ, сталъ конанархомъ и чтецомъ въ соборной церкви. Въ кругу своихъ сверстниковъ онъ выдѣлялся блестящими дарованіями. Съ увлеченіемъ онъ читаетъ книги. А ихъ тогда въ Устюгѣ было довольно много и при соборѣ, и въ монастыряхъ Архангельскомъ и Гледенскомъ Троицкомъ. Эти книжныя собранія дали возможность св. Стефану еще въ Устюгѣ научиться «все грамотичней хитрости (т. е. искусству) и книжной силѣ».

Послѣ 10—12 лѣтъ дьячества и изученія книгъ въ Устюгѣ св. Стефанъ рѣшается принять монашество — «пострижесе въ черныцы въ градѣ Ростовѣ, у Святого Григорія Богослова въ

манастыри, нарицаемѣмъ въ Затворѣ, близъ епископы, яко книги многы бяху ту доволны суща ему на потребу, почитанія ради, при епископѣ Ростовствѣмъ Парѣеніи». Иноческій подвигъ, такимъ образомъ, для св. Стефана, съ самыхъ первыхъ шаговъ его въ немъ, соединился съ дальнѣйшимъ углубленіемъ въ сокровищницу церковной письменности. Самый этотъ подвигъ слился съ изученіемъ ея и вылился въ подготовку къ дальнѣйшему подвигу, подвигу Святого Благовѣстія. Чтò же читаетъ св. Стефанъ? — «Всяку повѣсть божественную восхотяще слышати; словесъ же и рѣчій и наученій, и повѣстей старческихъ не отступаше; житія же святыхъ отецъ подража всегда почиташе. яко отъ того болшему разуму навываше.» Какъ онъ читаетъ? Конечно не такъ, какъ въ наше время читаетъ большая часть интеллигенціи и полуинтеллигенціи. т. е. поверхностно просматривая книгу, слѣшно пробѣгая ее, пропуская строки и цѣлыя страницы. Въ старину «почитатель» (т. е. читатель) книги относился къ ней иначе. Онъ смотрѣлъ на нее съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ, а въ чтеніи ея видѣлъ серьезное и большое дѣло разработкы и увеличенія «таланта», ему «отъ Бога дарованнаго». Такъ читалъ книги и св. Стефанъ — «прилѣжно же имаше обычай почитати почитаніе книжное, и не бѣдно ученія ради умедливаа въ ученіи, но да дондеже до конца по истинѣ разумѣть о коемъ-ждо стисѣ словеса, о чемъ глаголетъ.»

Св. Стефанъ былъ и искуснымъ переписчикомъ книгъ — «святыя книги писаше хытрѣ и гораздѣ и борзо.» Находясь постоянно въ общеніи съ ними, читая и переписывая ихъ, онъ естественно, проникся тою духовною атмосферою, которую онѣ въ себѣ хранили. Завѣты Христа, живые въ Св. Писаніи, претворялись въ жизненные образы ихъ осуществленія, которые онъ находилъ въ житіяхъ святыхъ, или получали толкованіе и разъясненіе въ святоотеческихъ твореніяхъ. Изученіе греческаго языка открыло св. Стефану греческую письменность и вмѣстѣ съ тѣмъ развило его филологическія способности и пріучило его къ сравненію славянскихъ переводовъ съ ихъ греческими оригиналами, а стало быть и къ работѣ переводчика вообще. Среди этихъ занятій совершилось поставленіе св. Стефана во іеродіакона, а затѣмъ и іеромонаха, а одновременно съ тѣмъ созрѣло и окончательно опредѣлилось его рѣшеніе отдать себя всецѣло дѣлу Святого Благовѣстія, распространенію вѣры Христовой среди незнающихъ ея.

Еще въ дѣтствѣ и юности онъ зналъ язычниковъ-зырянъ, которыхъ поселенія примыкали къ самому Устюгу. Зыряне — вѣтвь финскаго народа пермяковъ, который дѣлился на вычегодскихъ пермяковъ или зырянъ, и на пермяковъ камскихъ. Зыряне жили въ восточной половинѣ нынѣшней Вологодской губерніи. по р. Вычегдѣ и ея притокамъ. вдаваясь и въ пре-

дѣлы нынѣшней губерніи Архангельской, по р. Печорѣ съ ея притоками. Въ XIV столѣтіи зырянскія поселенія начинались уже подъ Устюгомъ. Главнымъ ихъ городомъ было теперешнее село Усть-Вымь, при впаденіи р. Выма въ р. Вычегду. Но этотъ народъ говорилъ своимъ, зырянскимъ языкомъ. Письма онъ не зналъ, еще не выработавъ его въ своей примитивной жизни. Такимъ образомъ, проповѣдникъ вѣры Христовой среди зырянъ долженъ былъ овладѣть ихъ языкомъ, чтобы они понимали его, и кромѣ того создать для нихъ искусство письма, чтобы дать имъ въ руки Евангеліе и обезпечить православное богослуженіе на понятномъ, родномъ языкѣ.

Св. Стефанъ былъ готовъ къ апостольскому подвигу, какъ вѣрный рабъ своего Господина, готовъ въ своей отданности всѣмъ своимъ существомъ возложенному на себя подвигу, въ своемъ служеніи «единому Богу точію» со всепоглощающею безпредѣльною любовью къ Нему; былъ готовъ и богато накопивъ сокровища знанія Св. Писанія, ученія Церкви Православной, ея организациі, богослужебныхъ обрядовъ и церковныхъ службъ. Но для служенія апостольскому дѣлу среди зырянъ онъ долженъ былъ вооружиться всѣмъ необходимымъ для осуществленія своей святой задачи именно въ *ихъ* средѣ, долженъ былъ развить свое старое знакомство съ ихъ языкомъ настолько, чтобы вполнѣ овладѣть имъ. Этого мало. Необходимо было перевести на зырянскій языкъ Св. Писаніе и богослужебныя книги, а для этого нужно было предварительно создать зырянское письмо, т. е. составить зырянскій алфавитъ и выработать его начертанія, буквы. И все это сдѣлалъ св. Стефанъ. Онъ овладѣлъ зырянскимъ языкомъ какъ роднымъ. Онъ составилъ и зырянскую азбуку (ея буквы напоминаютъ еврейскія и глаголическія), самъ же выполнилъ и работу переводчика книгъ, необходимыхъ для успѣха проповѣди и его закрѣпленія. Такъ онъ окончательно приготовилъ себя къ своему апостольскому подвигу.

Но церковная дисциплина требовала, чтобы приступилъ онъ къ своему дѣлу не самовольно, а съ вѣдома и благословенія соотвѣтствующей канонической, епископской власти. Зырянская земля, раньше бывшая въ подчиненіи Великому Новгороду, въ дни св. Стефана входила въ составъ территории Московскаго княжества, а стало быть и въ составъ Московской митрополичьей епархіи, въ предѣлахъ которой дѣйствовала епископская власть митрополита, жившаго въ Москвѣ. Къ нему за благословеніемъ на проповѣдь и обратился св. Стефанъ. Это было въ 1378 году, когда послѣ кончины св. Алексея (13 февраля 1378 года) митрополіей завѣдывалъ, до поставленія новаго митрополита, архимандритъ придворнаго Спасо-Преображенскаго монастыря (Спась на Бору) Михаилъ, предназначенный на митрополичій престолъ, но затѣмъ скончавшійся на кораблѣ въ Босфорѣ, не доѣхавъ до Царяграда за

посвященіемъ къ патриарху. И архимандритъ Михайлъ, и великій князь Димитрій Ивановичъ (Донской), своимъ свѣтлымъ и яснымъ умомъ вполне понимавшій значеніе начинаемаго св. Стефаномъ дѣла, отнеслись къ нему чрезвычайно сочувственно. Св. Стефанъ получилъ и благословеніе на проповѣдь среди зырянъ, и щедрую помощь всѣмъ необходимымъ для ея начала. И вотъ онъ вступаетъ въ предѣлы Зырянской земли — «вниде въ ня, яко овца посреди волкъ и начать учить я о Бозѣ.»

Послѣ молитвы св. Стефанъ начинаетъ свою проповѣдь: — «по молитвѣ дерзновенія наполнися.» Его ученіе поначалу привлекаетъ немногихъ. Естественная и обычная картина начала проповѣди, такъ прекрасно закрѣпленная Евангельскою притчею: «се изыде сѣяй да сѣеть. И сѣящу ему, ова падоша при пути, и придоша птицы и позобоша я. Другая же падоша на камонныхъ, идѣже не имѣяху земли многи, и абіе прозябоша, зане не имѣяху глубины земли. Солнцу же возсіявщу присвянуша и, зане не имѣяху коренія, иссоша. Другая же падоша въ терніе, и взыде терніе и подави ихъ. Другая же падоша на земли добрѣй, и даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять. Имѣяй уши слышати, да слышитъ.» Тѣ, кто увѣровали слушая его проповѣдь, приходятъ затѣмъ къ нему для бесѣды постоянно. Остальные относятся со враждою. Они даже выходятъ на него съ оружіемъ и дреколіемъ, угрожая ему смертию. Но св. Стефанъ въ такіе часы близости смерти молитвенно возглаголюетъ: «десница Господня сотвори силу; не умру, но живъ буду; исповѣмъ дѣла Господня.» Онъ встрѣчалъ разъяренныхъ язычниковъ съ неизмѣнными спокойствіемъ и кротостью, и они отходили отъ него, поражаемые ими.

Съ началомъ своей проповѣди св. Стефанъ выстроилъ въ Усть-Вымѣ прекрасный деревянный храмъ во имя Благовѣщенія. «Днесь спасенію нашему початокъ и вѣчнѣй тайнѣ явленіе», такъ читался тогда благовѣщенскій тропарь, и построеніемъ этого храма св. Стефанъ ознаменовывалъ начало спасенія зырянъ. Привезенные изъ Москвы иконы, облаченія, сосуды и церковная утварь доставили возможность обставить богослуженія въ храмѣ со всею высокою красотою и торжественностью, которая издавна были такъ развиты нашею родною Церковью и въ которыхъ всегда было такъ много обаянія и духовной прелести. Эти богослуженія и самый храмъ получили значеніе могучей силы, привлекавшей къ св. Стефану все новые и новые ряды зырянъ, приходившихъ къ нему, какъ къ своему просвѣтителю, и принимавшихъ отъ него крещеніе.

Что же особенно дѣйствовало на зырянъ-пермяковъ въ дѣятельности св. Стефана, въ доступной ихъ развитію и пониманію области, и, производя на нихъ глубокое, неотразимое впе-

чатлѣніе, заставляло ихъ искать отъ него крещенія и вступать въ ряды его паствы?

Это прежде всего его *личность*. Онъ горѣлъ святыми вѣрою и подвигомъ. Онъ весь былъ кротость, любовь и самопожертвованіе, но въ то же время онъ былъ и всегда готовъ умереть за свое святое дѣло, являя собою высокій образецъ несокрушимой твердости въ служеніи ему. Разрушая кумирни и уничтожая идоловъ, онъ сожигалъ ихъ сокровища и ничего изъ нихъ не бралъ себѣ, и это безкорыстіе крайне удивляло и поражало язычниковъ, даже не представлявшихъ себѣ раньше его возможности. Съ языческими жрецами св. Стефанъ постоянно вступалъ въ пренія. Онъ ихъ искалъ старательно, притомъ особенно въ присутствіи народа, получавшаго возможность во-очію убѣждаться въ преимуществахъ новаго ученія и въ духовной силѣ его проповѣдника. Такихъ преній было много. Особенно сильное впечатлѣніе на народъ произвело преніе св. Стефана съ пользовавшимся громаднымъ вліяніемъ въ Пермской землѣ Памомъ, котораго «волшвеніемъ управленъ быти Пермьстѣи земли» и котораго современникъ св. Стефана Епифаній Премудрый называетъ въ ней «волхвомъ начальникомъ». Памъ убѣждалъ народъ, по словамъ Епифанія: «отеческихъ боговъ не оставляйте, а жертвъ и требъ ихъ не забывайте, а старыи пошпины не покидывайте, давныи вѣры не пометайте, иже твориши отцы наши, тако творите, мене слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшаго отъ Москвы; отъ Москвы бо можетъ ли что добро быти намъ?» Народъ потребовалъ пренія Пама со св. Стефаномъ. Рѣшено передъ народомъ «пріати искушеніе (т. е. испытаніе) вѣры»: вмѣстѣ обоимъ пройти черезъ огонь (зажгли отдѣльно стоявшій въ городѣ домъ) и вмѣстѣ же пройти черезъ двѣ проруби въ Вычегдѣ. Помолившись, св. Стефанъ обратился къ собравшимся толпамъ народа съ рѣчью, а затѣмъ взять Пама рукою за одежду и трижды пригласить его идти вмѣстѣ въ огонь. Памъ отказался. То же произошло и передъ прорубью. Разъяренный народъ бросается на Пама и хочетъ его убить, но св. Стефанъ его спасаетъ — «не посла бо меня Христосъ бити, но благовѣстити, и не повелѣ ми мучити, но учити съ кротостію и увѣщати съ тихостію, по рѣшему: покажетъ мя праведникъ милостію своею и обличитъ мя».

Учительство св. Стефана было постояннымъ и непрестаннымъ. Въ немъ онъ не позволялъ себѣ чувствовать утомленія. Но оно было и чрезвычайно плодотворнымъ, ибо «добраго ради исповѣданія и чуднаго ради наказанія его, изряднаго ради ученія его, дасться ему даръ благодатный и слово разума и мудрости». Онъ училъ, «отъ Ветхаго и Новаго Завѣта износя словеса, научая, вразумляя, наказая, обращая пекыйся о людяхъ заблуждѣвшихъ, хотя ихъ отрѣшити отъ соузы дьявольскія и отъ прелести идольскія». Конечно, много

пришлось пережить и вражды, оскорблений и лишений, но онъ среди нихъ неустанно и непреклонно продолжалъ свое апостольское дѣланіе, «аки твердый камень, утвержденный вѣрою» и «въ толицехъ подвизехъ и искушеніихъ и бѣдахъ моляся Богу молитвою и постомъ алча и жажа: жадая спасенія Пермскаго, многи досады отъ нихъ пріимая и за то не гнѣваясь на ня о всѣхъ сихъ приключившихся ему, ни оскорби, ни пропта, не крушодушень сый, не злопомнивъ, но паче приложися къ любви спасенія ихъ и желая обращенія ихъ, всѣхъ уча и наказуя, моля и кротя старцевъ ихъ яко отца, средовѣчныя же яко и братію, уныя и младыя дѣти яко чада присная».

Послѣ утвержденія христіанства въ центрѣ Пермской земли народъ съ разныхъ мѣстъ самъ стекается въ Усть-Вымѣ. ища тамъ новой «московской» вѣры, слухи о которой уже широко разошлись. Кромѣ Благовѣщенской церкви въ Усть-Вымѣ были выстроены двѣ другихъ, во имя Николы Чудотворца и Архангела Михаила. Но св. Стефанъ совершаетъ свой подвигъ, не живя постоянно въ Усть-Вымѣ. Онъ обходитъ зырянскія селенія, проповѣдуетъ тамъ, креститъ народъ и строить церкви. Число христіанъ въ Пермской землѣ растетъ, все больше становится и приходскихъ храмовъ — св. Стефанъ уже цѣлыхъ пять лѣтъ проповѣдуетъ Христову вѣру среди зырянъ. Создается настоятельная необходимость для слишкомъ отдаленной отъ Москвы Пермской земли въ особомъ епископѣ и епархіальномъ управленіи. И св. Стефанъ отправляется въ Москву просить о назначеніи епископа для Зырянской земли. Эта просьба была встрѣчена сочувственно и митрополитомъ Пименомъ, и великимъ княземъ Дмитріемъ. Былъ выдвинутъ рядъ кандидатовъ на новую епископскую каѳедру. Въ концѣ концовъ, однако, было рѣшено, что на нее долженъ быть возведенъ самъ св. Стефанъ, и въ началѣ 1383 года въ Москвѣ было совершено поставленіе его во епископа для земли Пермской. Четырнадцать еще лѣтъ (1383 — 1396), въ санѣ епископа, продолжалъ св. Стефанъ начатое имъ дѣло обращенія язычниковъ - зырянъ, теперь уже не только лично, но и путемъ руководства другими миссіонерами организуя въ то же время Зырянскую землю въ епархію Русской Церкви. Не разъ, конечно, приходилось ему по дѣламъ ея предпринимать и тяжелыя, въ обстановкѣ того времени, путешествія въ Москву. Во время одного изъ нихъ онъ въ Москвѣ и скончался 26 апрѣля 1396 года, успѣвъ за свою жизнь крестить половину Пермскаго народа, зырянъ. Распространеніе христіанства среди другой половины пермяковъ (въ нынѣшней Пермской губерніи) продолжали его преемники по Пермской епископской каѳедрѣ, и окончательно вся Пермь была крещена въ 1462 году четвертымъ преемникомъ св. Стефана, епископомъ Іоною. Въ Москвѣ св. Стефанъ былъ и по-

гребень, въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ, и его мощи до послѣдняго времени почивали, и послѣ упраздненія этого монастыря, въ его храмѣ, извѣстномъ подъ именемъ Спаса на Бору, въ Московскомъ Кремлѣ.

Св. Стефанъ, просвѣщая зырянъ свѣтомъ Христова Ученія давалъ имъ и письменность, и книжное просвѣщеніе — «научи ихъ грамотѣ ихъ Пермскій, юже бѣ дотолѣ новосложилъ но и всѣмъ ихъ поокрещенымъ мужемъ и юношамъ и отрокамъ младымъ и малымъ дѣтищемъ заповѣда учити грамоту. часословець явѣ и осмогласникъ и пѣсница Давида, по и вся прочая книги». Достаточно усвоившихъ грамоту и «четырепѣтье церковное», какъ выражались у насъ въ старину, онъ поставлялъ во священники и діаконы, назначалъ къ церквямъ чтецами и пѣвцами. «пѣтіе имъ перепѣвая и перелагая. и писати научая ихъ Пермскія книги, и самъ спомогая имъ. преводяше съ Русскихъ книгъ на Пермскія книги, и сія предасть имъ, и тако отголѣ другъ друга учаху грамотѣ, и отъ книгъ книгу сами пренисующе, умножаху исполняюще». Плоды его трудовъ и благословенный успѣхъ его дѣланія не могли не радовать святителя Стефана — «и сія видя, преподобный радовалешя душею и благодарственно не престаеша ночь и день. моля за спасеніе и за обращеніе людій. всегда уча люди. да стадо Христово растеть и умножается по вся дни, а невѣрныхъ стадо умаливается и убываетъ и оскудѣваетъ». Онъ радовался «о Бозѣ», какъ «вѣрный рабъ Господина своего».

Дѣятельность св. Стефана получила полное признаніе и высокую оцѣнку его современниковъ и ближайшаго ихъ потомства. Нельзя сказать, чтобы въ новѣйшее время о ней достаточно знали сколько-нибудь широкіе круги общества. По старая Русь всегда хранила о св. Стефанѣ благоговѣйную память. Русская Церковь, въ дни приснопамятнаго митрополита Макарія, на Московскомъ соборѣ 1549 года причислила его къ лику святыхъ. Сохранилось воспоминаніе и о томъ, какъ высоко его цѣнили великій своею святостью современникъ «подвижникъ, дотолѣ невиданный» на Руси. преп. Сергій Радонежскій, чья личность воплотила въ себѣ всю дивную духовную красоту подвига вѣры и любви старой, Святой Руси На Поклонной горѣ, въ десяти верстахъ отъ Троицкой Сергіевской обители, въ XVII столѣтіи была построена каменная часовня, въ которой водруженъ большой крестъ. Эта крестовская часовня, часовня «у креста» была цѣла до послѣдняго времени. Житіе преп. Сергія, написанное его современникомъ, такъ рассказываетъ о событіи, въ память котораго была поставлена позднѣе часовня. Св. Стефанъ шель въ Москву лю дѣламъ своей новообращенной паствы, и у него не было времени зайти къ своему другу и сомолитвеннику въ его Троицкій монастырь. На этомъ мѣстѣ онъ остановился, «сотвори Достоинно есть и обычную молитву, и поклонися святому Сергію на ону

страну, идѣже житіе имѣяше. рекъ сице: миръ тебѣ, духовный брате!» Преподобный Сергій тогда находился въ трапезѣ съ братіей. Какъ разъ въ это время «на трапезѣ святой оставъ, мало же постоявъ, и молитву сотвори и поклонився рекъ: радуися и ты, наступше Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобой!»

Чистая, горящая вѣрою и блистающая святостью личность, полное безкорыстіе, постоянное учительство словомъ и примѣромъ и любовь къ людямъ, начинаніе дѣла съ проповѣди и только уже послѣ достаточно широкаго ея успѣха созданіе епархіи и епископской власти, просвѣщеніе и переводъ на языкъ новообращенныхъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ — вотъ основныя черты и методы дѣятельности св. Стефана. Онъ давалъ новообращаемымъ вѣру Христову и просвѣщенный Святымъ Благовѣстіемъ разумъ. И дѣлалъ все это въ «кротости», «смиреніи», «безгнѣви», «любовь равну имѣя ко всѣмъ человѣкомъ», «работающе Господеви со страхомъ и радующеся Ему съ трепетомъ».

Но что же дала русская православная миссія дѣлу строительства Россіи? — Она создавала *единство вѣры ея населенія*, ея племень и народовъ. Какъ миссіонерская дѣятельность св. Бонифація подготовляла имперію Карла Великаго въ западной половинѣ Европы, такъ самоотверженный трудъ св. Стефана и другихъ русскихъ миссіонеровъ *готовилъ рожденіе Московскаго Царства*, духовно объединяя населеніе восточной Европы, выковывая въ немъ *крѣпкую сталь единого міросозерцанія*, создавая прочный народный фундаментъ для «Россійскаго Царствія». Не только вѣра и церковное управленіе мощно влагались въ выработку русской, «россійской» національной «стихи», сливая въ ней различныя инородческія племена и русское населеніе земель и княжествъ. Церковь и обрядъ входили въ повседневной *быть*, дѣлали его *общимъ* въ его православномъ церковномъ освященіи, съ его праздничными богослуженіями, обрядами, крестными ходами, иконами, духовнымъ стихомъ, церковною книгою. Старый духовный стихъ пѣлъ: «Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати — по ней строятся церкви апостольскія, они молятся Богу распятому, самому Христу Царю Небесному». Вѣра «русская» начинаетъ именоваться и «вѣрою московскою». А «Свята Русь земля» превращалась въ Православное Царство, въ «государства Россійскаго Царствія».

И. Лаппо.

ИСПОЛНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНАГО ДОЛГА.

Русскій человѣкъ всегда мечтаетъ о необыкновенномъ, и большинство, если и исполняетъ свой повседневный долгъ, дѣлаетъ это вяло и неохотно. Исключеніе составляютъ лишь люди высокой духовности: они знаютъ, что путь къ необыкновенному не только начинается, но и до самаго конца сопровождается тщательнымъ исполненіемъ простыхъ, какъ будто, скучныхъ и сѣрыхъ вещей. На самомъ дѣлѣ, онѣ совсѣмъ не скучныя и не простыя, но заурядные люди этого не замѣчаютъ и непременно хотятъ перешагнуть черезъ нижнія и промежуточные ступени, сразу выскочить вверхъ, не подняться на гору, а безъ труда взлетѣть на нее. Вотъ почему эти люди ставятъ себѣ и другимъ максимальныя, непосильныя задачи, а затѣмъ, либо срываются и ушибаются при безплодныхъ попыткахъ прыгнуть выше лба, либо, что бываетъ чаще, проводятъ жизнь въ бесполезныхъ мечтахъ (маниловщина), постепенно падаютъ духомъ, опускаются и зарываютъ въ землю даже тотъ малый талантъ, который былъ имъ данъ. Въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ, почему эмиграція меньше дѣлаетъ для освобожденія Россіи, чѣмъ можно было бы отъ нея ожидать и требовать.

Но не столько вины въ заурядныхъ людяхъ, сколько въ тѣхъ, которые отмѣчены печатью большого таланта, если они пользуются имъ только для себя и не отдають его на служеніе матери-родинѣ. Осуждаютъ и справедливо осуждаютъ тѣхъ русскихъ богачей, которые ничего не дѣлаютъ для Россіи, но развѣ талантъ, будь то музыкальный, художественный, артистическій, будь то талантъ изобразителя или ученаго, развѣ онъ дается человѣку за заслуги?

Такъ же, какъ и дѣловыя способности и удачи, какъ и случайность рожденія отъ богатыхъ родителей, такъ же падаетъ съ Неба и дарованіе пѣвца, писателя, композитора, изслѣдователя. Всѣ люди, достигшіе жизненныхъ успѣховъ, равны; никакая гениальность не ставитъ человѣка выше нравственнаго закона и родины. Никто не имѣетъ права сказать: «я великій служитель науки или искусства, и поэтому—я внѣ человѣческихъ подраздѣленій, я не бѣлый и не большевикъ».

Вѣдь это все равно, что объявить добро и зло для себя безразличнымъ, почитая разницу между ними ниже себя. Къ сожалѣнію, такіе случаи бываютъ, а заграничное русское общественное мнѣніе своей постыдной снисходительностью потворствуетъ нашимъ избранникамъ судьбы, находящимся въ забытіи ума.

Вотъ это подсознательное сомнѣніе въ обязательности для гениевъ и талантовъ повседневныхъ правилъ житейской морали — приводитъ иногда и хорошихъ людей къ страннымъ уклонамъ мысли.

Мнѣ пришлось разъ услышать такую фразу: «Можно быть святымъ, не будучи честнымъ съ буржуазной точки зрѣнія. Щепетильность въ денежныхъ дѣлахъ — мелочь; на нее можно не обращать вниманія и не нужно останавливаться на ней, идя къ великой цѣли».

Человѣкъ, сказавшій это, самъ былъ безсребренникомъ и педантично честнымъ — тѣмъ болѣе ужасно было то, что онъ сказалъ. Такое стремленіе не идти по тяжелому и узкому пути совѣстливаго и внимательнаго отношенія къ мелочамъ жизни, а пытаться сократить дорогу, идя цѣликомъ, заводить многихъ въ дебри, а иногда и въ бездну.

Какъ въ первые вѣка христіанства вокругъ яснаго, свѣтлаго, глубокаго и въ то же время трезваго ученія церкви возникали смутныя гностическія секты, такъ и сейчасъ въ эмиграціи около прямого пути, какъ ядовитые грибы, вырастаютъ полуполитическія, полумистическія ученія, — чѣмъ пріятнѣе и неправдоподобнѣе, тѣмъ заманчивѣе, — и привлекаютъ къ себѣ молодежь.

Въ подъяремной Руси большевики завели обученіе «политграмотѣ»: черезъ нее въ подрастающее поколѣніе систематически внѣдряется духовная и жизненная ложь. Очевидно, намъ нужно завести *школы жизненной правды*, особенно ея азбуки — *исполненія повседневнаго долга*. Раньше лучшей его школой была *армія*; и если чувство долга, несмотря на нашъ характеръ, все-таки держится въ эмиграціи, то это потому, что вліятельнѣйшая часть ея живетъ военными традиціями. Но подрастаетъ новое поколѣніе, не прошедшее черезъ армію и ему трудно будетъ обороняться отъ всякихъ напештываній. Необходимо отцамъ и старшимъ братьямъ осознать опасность, придти на помощь слѣдующему поколѣнію и всѣми мѣрами препятствовать превращенію его въ такую же *толпу политикановъ и фантазеровъ*, какой было большинство русскаго дореволюціоннаго общества, не понимавшее высокаго значенія и смысла будничныхъ обязанностей дня, этихъ первыхъ испытаній вѣрности великой идеѣ долга.

Въ настоящее время сама жизнь съ особой очевидностью, властно, въ неразрывной связи, ставитъ передъ нами двѣ стороны будничнаго долга. Первая сторона обращена къ семьѣ, къ своимъ дѣтямъ. Здѣсь цѣль — устройство и не только устройство, но и упроченіе своего экономическаго положенія.

Вторая, важнѣйшая сторона — *родина*; цѣль — *освобожденіе Россіи отъ большевицкаго ига*. Успѣшное разрѣшеніе первой задачи, поможетъ разрѣшенію второй.

Опытъ другихъ эмиграцій показалъ важность для всякихъ освободительныхъ дѣйствій наличности *состоятельныхъ эмигрантскихъ группъ*. Извѣстна, на примѣръ, роль богатаго зарубежнаго греческаго купечества въ дѣлѣ освобожденія Греціи отъ турокъ въ началѣ XIX столѣтія. И намъ, чтобы шире

развернуть борьбу съ коммунистами. *изъ голытьбы нужно превратиться въ домовитыхъ людей.* Такой процессъ образованія новой буржуазіи изъ среды пролетаризированнаго русскаго бѣженства уже начался и протекаетъ въ общемъ слѣдующимъ образомъ.

Первыми стали достигать жизненнаго успѣха члены артистической среды: музыканты, пѣвцы, киноартисты. За ними послѣдовали художники, изобрѣтатели, ученые и, наконецъ, въ самое послѣднее время, новые купцы и промышленники изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и состояній.

Представители старой русской торговопромышленной буржуазіи лишь въ единичныхъ случаяхъ оказались заграницей обладателями сколько-нибудь значительныхъ капиталовъ и, несмотря на жертвенность и патріотизмъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ совокупная экономическая мощь слишкомъ незначительна, чтобы ее можно было класть въ основаніе финансоваго плана борьбы за освобожденіе Россіи.

Безъ притока свѣжихъ людей и средствъ не обойтись.

Возникновеніе заграничной вѣтви новой русской буржуазіи важно еще и потому, что она невольно усвоить нѣкоторыя черты западной буржуазіи, а послѣдняя является средой, гдѣ *культъ повседневнаго долга* достигаетъ высшаго своего развитія. Поидя въ этомъ отношеніи на выучку къ Западу, мы позаимствуемъ у него недостающую намъ часто *послѣдовательность, выдержку, упорство и трезвость мысли.*

Все это — очень много, но для русскаго характера недостаточно: намъ нужно еще нѣчто высшее — *религіозное освященіе долга*, даже низшаго — простыхъ будничныхъ заботъ; иначе полезные западные навыки лишь механически пристанутъ къ намъ и соскочатъ, какъ только мы попадемъ назадъ въ родную стихію.

Въ этомъ пунктѣ рельефно выступаетъ разница между русской и западной, наиримѣръ, нѣмецкой, психологіей. Нѣмецъ говоритъ: «*Verdammte Pflicht und Schuldigkeit*», что въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «проклятый долгъ и повинность», но по настоящему слово «*verdammt*» здѣсь не переводимо. Въ немъ выражается какое-то внутреннее возмущеніе насиліемъ, которое долгъ производитъ надъ личностью человѣка и одновременно чувствуется *преклоненіе* передъ авторитетомъ долга, сознаніе *безполезности сопротивленія* его непреодолимому могуществу.

Эта «*verdammte Schuldigkeit*», въ сущности говоря, переложена на языкъ нѣмецкаго фельдфебеля и монтера, того «категорическаго императива», который былъ положенъ Кантомъ и Фридрихомъ Великимъ въ основу воспитанія германскаго національнаго характера.

Другое встрѣчаемъ у насъ.

Если въ тяжелую минуту нѣмецкому солдату нужно кричать: «Pflicht», то русскому солдату нужно кричать «присяга».

Такое религіозное трактованіе долга. и только такое, дѣлаетъ чудеса съ русскимъ человѣкомъ. переворачиваетъ его анархическую природу.

Не любить онъ стѣсняться въ мелочахъ и въ формахъ: а какъ только вносится въ нихъ высшій религіозный смыслъ. такъ культъ чинности. порядка. соблюденія правилъ вдругъ становится любезнымъ. роднымъ и понятнымъ. Виѣшняя и внутренняя муштра *русскаго старообрядческаго обихода* въ своемъ планѣ быта нисколько не слабѣе муштры прусскаго гвардейскаго полка въ его планѣ. И все-таки старообрядцы не менѣе другихъ слоевъ русскаго населенія поддались соблазну большевизма.

Почему это произошло?

Отъ забвенія. или. вѣрнѣе. непониманія широкими массами русскаго народа. однимъ изъ слоевъ котораго являются старообрядцы. *идеи долга во всей ея полнотѣ.*

Природа долга не проста. а трояка.

Долгъ передъ собою (семья).

Долгъ передъ родиною.

Долгъ передъ Богомъ.

Третье --- неизмѣримо главнѣйшее и единственно самодовлѣющее. а первое и второе — лишь ступени для третьяго: но установлены и онѣ Богомъ. и человѣку равно заповѣдано какъ не творить изъ нихъ себѣ кумира. такъ и *не отбрасывать ихъ совѣсть.*

Нужно любить Бога больше родины. родину больше семьи. но этого нельзя достигнуть. если совѣмъ разлюбить родину и семью. Больше. чѣмъ ноль. можетъ быть очень малымъ и абсолютная цѣнность его тогда ничтожна. Такъ обыкновенно и случается: отсутствіе любви къ близкимъ и къ родинѣ задушиваетъ любовь къ Богу.

Разные народы по разному относятся къ долгу: западные европейцы часто останавливаются на второй ступени. дальше не идутъ. изъ родины дѣлаютъ себѣ кумирь. Русскіе этого грѣха не совершали: — наоборотъ. — они почти устраняли родину изъ своего сознанія. какъ объектъ долга. Россія всеѣмъ казалась такой могучей и необозримой. поэтому туманной и далекой. а одновременно столь властной и давящей. что *забота о ней пропадала.*

Подъ конецъ многіе сдѣлались только патріотами своей деревни. а все кругомъ стало чужимъ. На практикѣ выпаденіе чувства долга къ Россіи и подмѣна его преувеличеннымъ чувствомъ значенія общины. «міра» («противъ міра самъ Царь не воленъ») привели къ тому. что насиліе всеѣмъ міромъ надъ слабымъ сосѣдомъ. будь то одиночный помѣщикъ. хуторянинъ

или даже цѣлая деревня, принималось какъ законный актъ войны съ виѣшнимъ врагомъ и за грѣхъ не почиталось.

Въ результатѣ даже у вѣрующихъ людей искажалось правильное пониманіе религіознаго долга, ибо *нельзя соблюдать большихъ Божьихъ установленій, не соблюдая меньшихъ*: разрушили низшую ступень, любовь къ родинѣ, — не устояли на высотѣ и въ любви къ Богу.

Если русскіе низы пренебрегали долгомъ къ родинѣ, то русскіе верхи пренебрегали долгомъ къ самому себѣ. Это не означаетъ, что никто изъ нихъ не заботился о своемъ интересѣ, напротивъ того, очень заботились, иногда даже больше, чѣмъ нужно, но *занятіе производительнымъ трудомъ не уважалось въ принципѣ*.

Честно ли кто наживалъ, или безчестно—почиталось почти за одно, да, въ сущности, *мало кто и вѣрилъ, что можно честно наживать*. Поэтому, ни свою, ни чужую старательную, трудовую жизнь, направленную на достиженіе хозяйственнаго успѣха, никто за исполненіе долга не считалъ, ести даже эта жизнь велась съ большимъ соблюденіемъ совѣсти.

Такимъ отношеніемъ *было вынута душа изъ труда*.

Сталъ трудъ безсмысленнымъ и завладелъ имъ коммунизмъ.

Дикій и разрушительный самъ по себѣ, онъ явился бичемъ Божіимъ, невольнымъ орудіемъ наказанія и вразумленія.

Сейчасъ большинство эмигрантовъ поставлено на мелкую, будничную работу и дурманъ красочной видимости старой блестящей жизни отнять. За это время многіе изъ насъ на своемъ опытѣ узнали слѣдующее: когда дѣлаешь самыя скучныя вещи — моешь посуду, бьешь камни на дорогѣ, бѣгаешь по городу комиссіонеромъ, когда дѣлаешь все это, относясь къ своимъ обязанностямъ, какъ къ Божьему порученію, какъ къ службѣ на постахъ, куда насъ развели Божьи разводящіе, то въ работу вносишь тианіе, сугубую честность, внимательность; и тогда надоѣдливый трудъ освящается и одухотворяется въ нашихъ глазахъ: не просто работаешь, а *Божье повелѣніе дѣлаешь*. Подумаешь объ этомъ и сѣрая горькая жизнь сразу сверкнетъ радугой. Слабъ нашъ духъ, препадаетъ радуга, опять горечь и усталость, но ненадолго: знаешь — по дорогѣ стоятъ маяки. Удивительна сила Божьей идеи: она привязываетъ крылья къ гилямъ жизни, даетъ смыслъ и значеніе тому, что безъ нея кажется тяжелымъ, ненужнымъ и безпросвѣтнымъ, пустыню покрываетъ цвѣтами.

Великъ и глубокъ сейчасъ опытъ жизни у насъ: только въ Библии найдемъ еще высшій опытъ.

Такое одухотвореніе нудныхъ по видимости дѣлъ, приносить не только пользу душѣ, но помогаетъ и въ земной дѣятельности: давно уже подмѣчено, что *группы населенія съ интенсивной религіозной жизнью быстро поднимаются материально*. Это влечетъ за собой опасность излишняго обмірше-

нія, но эмигрантскій жизненный строй до известной степени насъ спасаетъ.

Мы живемъ, если не въ состояннн войны, то и не въ обычныхъ условіяхъ нормальной европейской жизни, гдѣ область повседнежнаго долга какъ-то обособляется отъ области долга передъ родиной и передъ Богомъ.

Нашъ обиходъ постоянно напоминаетъ о единствѣ долга; и то же самое, навѣрное, даже еще въ большей степени, происходитъ и въ Россіи.

Если внимательно вникнуть въ смыслъ судьбы русскаго мужика подъ властью коммунистовъ и судьбы русскаго интеллигента въ изгнаніи, то *нельзя не удивиться цѣлесообразности наложеннаго на каждого изъ нихъ наказанія*. Мужикъ какъ будто въ Россіи, а меньше въ ней, чѣмъ мы зарубежомъ: русскій духъ въ Россіи подъ запретомъ и право дышать имъ приходится ежеминутно отвоевывать. Исполненіе долга къ родинѣ продвинуто внизъ на одну ступень, поставлено наряду съ повседневнымъ домашнимъ долгомъ.

Намъ назначено другое. Лѣзли мы раньше на какую-то повою, косую, умственную Вавилонскую башню; а теперь, когда она повалилась, лежимъ на землѣ и въ мелочахъ жизни Бога находимъ.

Властной рукой Справедливости, русскіе верхи и низы изъ разныхъ темныхъ угловъ мудрствованія, куда они разошлись, возвращены къ началу пути долга и поставлены рядомъ *духовно*; хотя *пространственно* они пока и въ раздѣленіи.

Въ этомъ установленіи одинаковаго пониманія долга, какъ у мужика, такъ и у интеллигента, лежитъ залогъ освобожденія и спасенія Россіи.

Нужно желать и стараться, чтобы и послѣ освобожденія пути пониманія никогда больше не расходились.

Странникъ.

МЕЛКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

1. Два освобожденія.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи не было вопроса, о которомъ больше говорили бы и писали и который меньше знали бы, чѣмъ русскій «аграрный вопросъ». И доселѣ въ немъ совершенно не разбираются не только иностранцы, но и большинство русскихъ, сущихъ въ разсѣяніи. А между тѣмъ, каждому русскому слѣдовало бы относиться къ вопросамъ, связаннымъ съ землей и съ сельскимъ хозяйствомъ, съ тѣмъ же вниманіемъ и разумѣніемъ, съ которымъ всякій англичанинъ относится къ вопросамъ мореплаванія. Ибо благополучіе Россіи такъ же зависитъ отъ состоянія ея сельскаго хозяйства, какъ существованіе Англій — отъ ея господства на моряхъ.

Нынѣ въ Россіи царить полный развалъ сельскаго хозяйства, земельный хаосъ и общее разореніе¹⁾. Послѣ революціи русская національная власть, какъ бы она ни сложилась, должна будетъ строить все заново. Ей понадобятся работники и строители освѣдомленные, понимающіе ошибки прошлаго и задачи будущаго. И вотъ всѣ находящіеся въ эмиграціи должны привезти съ собою на родину полезныя знанія и наблюденія изъ разныхъ странъ, чтобы судить о Россіи и русскихъ дѣлахъ, исходя изъ болѣе обширнаго кругозора. Но они должны также вѣрно знать о томъ, *что было въ Россіи и что стало послѣ*. Будущимъ строителямъ русскаго государства и русскаго земледѣлія и посвящаются эти строки.

Русскіе крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года со сравнительнымъ «опозданіемъ» по ходу русской исторической жизни на 99 лѣтъ. 18 февраля 1762 года манифестомъ о вольности дворянства дворяне были освобождены отъ обязанности служить государству и тѣмъ самымъ отпадала видимая необходимость прикрѣпленія крестьянъ. По мысли Петра Великаго крѣпостное состояніе было формой служенія государству: закрѣпощались *всѣ* сословія,—но только различно. Крѣпостной крестьянинъ работалъ на своего помѣщика съ тѣмъ, чтобы дать ему самому возможность отправлять свою службу, которая въ принципѣ длилась всю жизнь. Логическимъ послѣдствіемъ манифеста 1862 года долженъ былъ бы явиться рядъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Начало этимъ мѣрамъ положилъ Павелъ I (1797 г.). Однако, въ общемъ и цѣломъ крѣпостное право не только не ослабѣло въ рукахъ освобожденнаго дворянства, но закрѣпилось и нерѣдко принимало даже уродливыя формы. Естественно, что сознаніе необходимости покончить съ безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ, стало достояніемъ лучшей части русскаго общества. Русская литература еще съ конца 18-го вѣка неустанно выставляла на видъ моральный вредъ крѣпостнаго права (Радищевъ, Пушкинъ, Гоголь, графъ Соллогубъ, Н. И. и Н. С. Тургеневы, Григоровичъ и др.). Поучительно однако отмѣтить, что по сравненію съ западомъ отмѣна крѣпостнаго права въ Россіи (со всѣми, вытекающими изъ этого состоянія послѣдствіями) запоздала не такъ сильно. Такъ, напр., крѣпостное право было уничтожено въ Даніи въ 1788 году, но барщина существовала до 1850 года: въ Пруссіи и Баваріи оно было отмѣнено въ 1807—1811 году, въ Мекленбургѣ въ 1824 году: полицейская же и судебная власть помѣщиковъ (съ прагомъ тѣлесныхъ наказаній) существовала почти во всей Германіи до 1848 года: въ этомъ году крѣпостное право

¹⁾ См. во второмъ отдѣлѣ замѣтку Редакціи: «Что дала революція русскому крестьянину?»

было отмѣнено и въ Австро-Венгрии (особенно сурово оно было въ Галиціи) ¹⁾.

Въ Россіи крестьяне были освобождены позже, но сразу и надѣлены землей въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ на Западѣ. Въ общемъ при освобожденіи въ Россіи имѣлось около $22\frac{1}{4}$ милліоновъ крестьянъ мужескаго пола, изъ коихъ было около 11 милліоновъ крѣпостныхъ, около $10\frac{1}{3}$ милліоновъ казенныхъ, менѣе одного милліона удѣльныхъ и 137 тысячъ дворовыхъ и депутатскихъ. Только послѣдняя категорія (менѣе одного процента общаго числа) была освобождена безъ земли. Крѣпостные получили 3,2 десятины на душу, казенные 6,4 десятины, удѣльные 5,3 десятины. Въ общемъ у помѣщиковъ было изъято по выкупу около 35 милліоновъ десятинъ, что составляло $\frac{1}{3}$ *всѣхъ* ихъ владѣній и болѣе половины имѣвшихся у нихъ земель *сельско-хозяйственнаго* назначенія.

¹⁾ Исслѣдователь, который захотѣлъ бы установить причины сравнительно поздней отмѣны крѣпостного права въ Россіи, долженъ былъ бы поставить передъ собою цѣлый рядъ историческихъ вопросовъ: имѣлась ли въ Россіи въ то время достаточно сильная, независимая и сверхсословная власть, необходимая для такой реформы, или трюнкъ былъ ослабленъ переворотами 1725, 1730, 1740, 1741, 1761, 1801 и 1825 года? были ли преодолѣны законодательный хаосъ и были ли организованы законодательный аппаратъ, необходимый для такой реформы? были ли сколько-нибудь на высотѣ финансы Россіи? закончился ли періодъ консолидаціонныхъ войнъ, вызвавшихъ къ жизни самое крѣпостное право? возможна ли была такая реформа при отсутствіи въ странѣ интеллигенціи и правосознанія, реформа *безъ* интеллигенціи или *противъ* тогдашней интеллигенціи? не нуждалась ли Россія для проведенія такой реформы въ образованіи, въ университетахъ, въ Сперанскомъ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, Жуковскомъ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ, какъ судьяхъ стараго и воспитателяхъ новаго правосознанія? Государство организуется всегда и вездѣ образованнымъ классомъ; были ли тогда силы образованнаго класса достаточны хотя бы уже въ количественномъ отношеніи для того, чтобы организовать новый строй? И еще: обнаружилась ли въ то время и когда именно чисто хозяйственная несостоятельность крѣпостного права и смогло ли бы помѣщичье хозяйство при тогдашнихъ условіяхъ зернового рынка управиться безъ дарового труда, паемными силами, когда даже вся Западная Европа пробавлялась барщиной? Исслѣдователь этихъ вопросовъ отмѣтитъ, что декабристы, напр., хотѣли освободить крестьянъ *безъ земли* и увѣнчать *пролетаризованную* такимъ образомъ Россію республической дворянъ-заговорщиковъ; можно представить себѣ, въ какія бѣдствія была бы повергнута этимъ Россія, не забывшая еще Пугачева. Недаромъ Пушкинъ и Гоголь указывали на то, что только полновластный Государь могъ бы дать крестьянамъ настоящую свободу, что впоследствии и совершилось. Это означаетъ, что необходима была предварительная эмансипація русской императорской власти отъ дворянскаго террора, отъ давленія заговорщическаго и притязательнаго дворянства; и въ то же время необходимо было культурное и государственное созрѣваніе самого дворянства. Замѣчательно, что Императоръ Николай I поимпаль морально-государственную необходимость реформы и подготавливалъ ее въ теченіе своего царствованія (комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848, 1849 годовъ); онъ прямо называлъ крѣпостное право «началомъ зла» и жаловался на свое государственно-политическое одиночество. **Примѣчаніе Редаціи.**

Крестьяне же получили всего около 106 миллионъ десятинъ; въ среднемъ около 14 десятинъ на дворъ.

Подготовительныя къ освобожденію крестьянъ работы совпали съ моментомъ схватки двухъ теченій русской общественной мысли: *славянофиловъ* и *западниковъ*. Къ несчастью Россіи чуть ли единственный вопросъ, по которому у нихъ не было разномыслія — былъ вопросъ о крестьянской общинѣ, за сохраненіе которой горячо ратовали оба лагеря. Славянофилы считали русскій народъ — народомъ избраннымъ, совершенно самобытнымъ: его исконное занятіе — земледѣліе, якобы неразрывно связанное съ общиной; она есть наслѣдіе старины и должна служить и впредь лучшей социальнo-экономической базой, залогомъ самобытнаго развитія Россіи. Западникамъ же сельская община представлялась предтвѣремъ къ социализму, зародышемъ будущаго социалистическаго государства. Герценъ слѣпо вѣрилъ въ общину и невѣроятно идеализировалъ ее. Вліяніе же его на русское общественное мнѣніе и даже на правительство въ 50-хъ годахъ и въ началѣ 60-хъ годовъ было огромно. «Только на общинныхъ началахъ и только на нихъ можетъ развиваться будущее Россіи». — утверждалъ Герценъ. — «Умрите за сохраненіе равнаго права cadaго крестьянина на землю!» — восклицалъ Чернышевскій.

Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ теченіе за сохраненіе общины взяло верхъ и Положеніемъ 1861 года она была узаконена; а послѣдующее законодательство и административная практика укрѣпили ее еще сильнѣе. Подъ вліяніемъ славянофильскихъ и социалистическихъ теченій существенно измѣнился и самый характеръ общины. Земледѣльческая община до первой половины XIX вѣка была тягловая (тягло состояло изъ мужа, жены и коня) и цѣль ея заключалась вовсе не въ *обеспеченіи* всѣхъ земель, а въ *хозяйственной эксплуатаціи земли*; и лишь впоследствии она была превращена въ социалистическую, душевую, съ понятіемъ *душевого надѣла*, въ которомъ и заключалась мысль о *правѣ на землю всякой «души», какъ таковой*. Въ подворное владѣніе земля была дана лишь въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ (Черниговской и Полтавской), въ трехъ юго-западныхъ, въ Бессарабіи и частью въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.

Съ половины 60-хъ годовъ въ официальныхъ сферахъ крестьянское дѣло совершенно неосновательно считалось вполне законченнымъ и не требующимъ дальнѣйшаго вмѣшательства государства. Таково же было отношеніе и къ сельскому хозяйству вообще. Созданныя въ 1864 году земскія учрежденія, обладавшія тогда весьма скудными средствами, по сравненію съ возложенными на нихъ задачами, занимались почти исключительно народнымъ образованіемъ, медициной и мѣстными путями сообщенія. На экономическую сторону жизни земства стали обращать вниманіе лишь съ конца 80-хъ годовъ, въ большинствѣ же губерній лишь съ начала двадцатаго столѣтія.

Отсутствіе агрономическаго руководства и организованнаго кредита: развитіе сельскаго ростовщичества; полнѣйшая зависимость крестьянина по самымъ жизненнымъ вопросамъ (передѣлъ земли, раскладка повинностей) отъ рѣшенія міра, представляемаго сходомъ всѣхъ домохозяевъ; неправосудіе подкупныхъ волостныхъ судовъ, рѣшеніе которыхъ было окончательнымъ—все это создало для крестьянина общинника невозможныя • условія въ развитіи его благосостоянія. Всеобъемлющая власть помѣщика была въ предѣлахъ крестьянскаго быта замѣнена другою почти столь же всеобъемлющей. По поводу этой замѣны московскіе профессоры В. И. Герье и Б. Н. Чичеринъ писали въ 1873 году: «помѣщикъ нерѣдко представлялъ собою угнетеніе, но онъ же представлялъ и попеченіе, міръ же никогда не представляетъ попеченіе, а весьма часто составляетъ искушеніе... Въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ всѣ болѣе или менѣе подводятся подъ одинъ уровень, и уровень, вообще весьма низкій. Никто не умираетъ съ голода, но всѣ находятся въ положеніи близкомъ къ нищетѣ и если рядъ болѣе или менѣе урожайныхъ годовъ поднимаетъ иногда общее благосостояніе, то одного неурожая достаточно, чтобы его снова расшатать; а поправляется крестьянинъ не легко».

Итакъ, принципъ «самостоятельнаго свободнаго труда земледѣльца на собственной землѣ», провозглашенный Положеніемъ 19 февраля въ качествѣ основы будущаго соціально-экономическаго строя Россіи, *не былъ проведенъ въ жизнь*.

Въ связи съ этимъ производительность крестьянскихъ земель послѣ 1861 года не улучшилась, а чрезмѣрные налоги падавшіе на нихъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), значительно превышали чистый доходъ съ земли, что и было установлено правительственной комиссіей 1872 года. Недостатокъ собственной земли, изъ которой не менѣе одной трети находилось подъ паромъ: плохое удобреніе; сокращеніе, вслѣдствіе распашки, луговъ и пастбищъ. — все это заставляло арендовать землю, часто на невыгодныхъ условіяхъ, при системѣ отработки; а эта система мѣшала надлежащимъ образомъ воздѣлывать *свою землю* и затрудняла улучшеніе какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Нерѣдко землевладелецъ бывалъ вынужденъ во избѣжаніе обостренія отношеній, соглашаться на подобныя обоядно невыгодныя сдѣлки, такъ какъ другого выхода не было: населеніе увеличивалось, хозяйства дробились, а фабрично-заводская промышленность до 80-хъ годовъ развивалась слабо и не предъявляла значительнаго спроса на рабочія руки: переселеніе же въ Азіатскую Россію до 1889 г. было запрещено.

Съ начала царствованія Императора Александра III правительство вынуждено было обратить вниманіе на общій упадокъ крестьянскаго хозяйства, особенно въ восточныхъ губерніяхъ;

послѣдствіемъ этого упадка явилось огромное накопленіе недоимокъ. Результатомъ цѣлаго ряда сенаторскихъ ревизій на мѣстахъ, было пониженіе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати и соляного налога; но всѣ понимали, что кромѣ этихъ палліативовъ требовались энергичныя мѣры для поднятія уровня крестьянскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, ни правительство, ни русская общественность не отдавали себѣ отчета въ томъ, что основное зло заключается въ *отсутствіи у крестьянина граждански упроченнаго права личной собственности на землю*. Само собою напрашивалось исправленіе ошибокъ 1861 года: уничтоженіе, вмѣстѣ съ общиной, кастоваго обособленія крестьянства; учрежденіе всесословной волости; разрѣшеніе крестьянамъ (хотя бы на первое время съ нѣкоторыми ограниченіями) продавать землю; борьба законодательнымъ путемъ съ черезполосицей; способствованіе хуторскому разселенію. Къ несчастью, правительство, съ одной стороны подъ вліяніемъ социалистическихъ ученій вкоренившихся въ умахъ русской интеллигенціи, съ другой стороны — недальновидныхъ псевдоконсервативныхъ соображеній, — пошло совершенно инымъ путемъ. *Увеличеніе крестьянскаго землепользованія*, удовлетвореніе «*земельнаго голода*» было признано самой главной, неотложной задачей. Въ 1882 году былъ учрежденъ Государственный Крестьянскій Поземельный Банкъ, выдававшій покушникамъ крестьянамъ 90% покупной стоимости земли. Логическимъ послѣдствіемъ этого былъ законъ 1893 г. о неотчуждаемости надѣльной земли, согласно которому всѣ сословія, за исключеніемъ крестьянъ, были лишены права приобрѣтать какую-либо часть огромной категоріи надѣльной земли, категоріи тѣмъ болѣе значительной, что впоследствіи законъ этотъ былъ распространенъ и на нѣкоторыя земли, приобрѣтенныя въ собственность при содѣйствіи Крестьянскаго Банка.

Послѣдствія этого закона были двоякіе. Съ одной стороны, онъ *задерживалъ образованіе всесословнаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ*, обладающихъ нѣкоторымъ капиталомъ, безъ котораго *немыслимо культурное хозяйство*. Съ другой стороны, онъ *насилъно прикрѣплялъ крестьянъ къ землѣ*, лишая ихъ возможности, продать землю и посвятить свои силы другимъ отраслямъ промышленности. Общинникъ вообще не могъ продать состоящую въ его пользованіи землю, а подворный крестьянинъ могъ продать ее только крестьянину же, что значительно ее обезцѣнивало. А между тѣмъ, вслѣдствіе развитія съ 80-хъ годовъ фабрично-заводской и южной горнозаводской промышленности, а также вслѣдствіе большого роста городовъ, среди крестьянъ сильнѣе прежняго обнаружилось влеченіе къ другимъ отраслямъ труда; и по указаннымъ причинамъ оно не могло получить нормальнаго удовлетворенія. Послѣдствіемъ этого явилось образованіе многотысячной

рабочей массы, кочующей между городомъ и деревней; это тормозило — какъ образованіе класса *дѣйствительныхъ землевладельцевъ*, такъ и образованіе класса *квалифицированныхъ рабочихъ*, столь необходимыхъ нашей промышленности.

Сильно страдали отъ этого и *деревенскіе нравы*. Не *культура* города, а *разнузданность* фабричнаго предмѣстья и шахтъ Донецкаго бассейна проникли въ сельскія мѣстности, лишеныя къ тому же всякой полицейской силы для обузданія хулигановъ. Кошмарную, но вѣрную картину деревенскихъ нравовъ сѣверныхъ губерній, на порогѣ XX вѣка, даетъ И. А. Родіоновъ въ своей пророческой и въ свое время недостаточно оцѣненной книгѣ «Наше Преступленіе».

Съ 1889 г. правительство измѣнило свое отношеніе къ переселенію: оно не только было разрѣшено, но и всемѣрно облегчено. Переселенческая волна, усиливаясь изъ года въ годъ, достигла своего максимума въ 1907 году, когда черезъ Уралъ перевалило 600 тысячъ душъ. Явленіе это, полезное для развитія окраинъ, не уменьшило, однако, все увеличивавшуюся безработицу среди крестьянъ Европейской Россіи: крестьянство попрежнему не могло использовать всю свою рабочую силу, такъ какъ хозяйство оставалось экстенсивнымъ, а населеніе страны увеличивалось на 2½ милл. въ годъ¹⁾. Всѣ вышеупомянутыя мѣропріятія не могли существенно измѣнить къ лучшему положеніе крестьянъ; крестьяне видѣли спасеніе въ безконечномъ расширеніи площади своего землевладѣнія и, «количественно» понимая аграрный вопросъ, мечтали о поглощеніи и раствореніи помѣщичьяго землевладѣнія. Недовольствомъ ихъ искусно воспользовалась революціонная пропаганда. Въ концѣ 1905 г. въ цѣломъ рядѣ губерній произошли крупныя крестьянскія беспорядки, выразившіеся въ захватѣ частновладѣльческихъ земель, въ разгромѣ усадебъ, хозяйственныхъ построекъ и винокуренныхъ заводовъ, въ массовыхъ поджогахъ, въ бессмысленно жестокомъ уничтоженіи животныхъ. Для восстановленія порядка правительству приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Не удивительно, что темная крестьянская масса, подъ вліяніемъ агитации, не видѣла другого исхода; но прискорбно, что Государственная Дума, пресса, оппозиціонная общественность, даже большинство профессуры оказались нисколько не дальновиднѣе крестьянъ. Партія народной свободы («кадеты»), гвардія русской интеллигенціи, считала необходимымъ и требовала немедленнаго «принудительнаго отчужденія по справедливой оцѣнкѣ» большей части пахотныхъ частновладѣльческихъ земель. Даже такой выдающійся экономистъ, какъ профессоръ А. И. Чупровъ, поддался общему гипнозу и въ 1907 году скорбѣлъ о неудачѣ кадетскаго проекта²⁾.

1) Замѣчательный экономическій анализъ этого явленія читатель найдетъ въ № 4 «Русскаго Колокола», въ статьѣ профессора В. А. Косинскаго.

2) См. А. И. Чупровъ: «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды».

Нельзя не согласиться съ извѣстнымъ кооператоромъ С. Н. Прокоповичемъ, что для «передовой части русскаго общества» характерна была «симпатія къ... экономическому равенству при недостаточномъ знакомствѣ съ условіями крестьянскаго хозяйства» («Крестьянское хозяйство». Берлинъ. 1924 года). И невольно вспоминаются слова Правительственнаго Сообщенія отъ 21 іюня 1906. въ которомъ тогда еще указывалось и предсказывалось, что отчужденіе всѣхъ частныхъ земель «не увеличитъ крестьянскаго достатка, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ». Но кто тогда понималъ это и вѣрилъ этому?

Революціонное движеніе 1905 года побудило правительство всесторонне обсудить вопросы сельскаго хозяйства. По инициативѣ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, невзирая на энергичныя возраженія части прессы, было признано, что *корень зла въ общинѣ* и что увеличивать благосостояніе крестьянъ слѣдуетъ не путемъ уничтоженія культурныхъ имѣній, необходимыхъ государству, а распространеніемъ началъ частной собственности и культуры на надѣльныя земли. Понятно было, что для увеличенія урожайности земля не можетъ передѣляться, а должна быть собственностью земледѣльца. Согласно Высочайшему Указу отъ 9-го ноября 1906 года, превращенному послѣ его одобренія и дополненія законодательными учрежденіями, въ законъ 14 іюня 1910 года, каждый крестьянинъ пріобрѣтаетъ право не только *выйти изъ общины*, но и требовать *выдѣла* ему къ *одному* мѣсту участка земли, равнаго по цѣнности отдѣльнымъ участкамъ, которыми онъ доселѣ пользовался. Этотъ законъ былъ равносильенъ *новому освобожденію* крестьянъ, но съ тою разницею, что онъ освобождалъ крестьянина не отъ власти помѣщика, а отъ оковъ *соціалистической общины* и притомъ самое освобожденіе ставилъ въ зависимость отъ его собственной воли. Это было право на самоосвобожденіе. Это была ставка на *личную инициативу*, на энергію, на характеръ. Это была ставка на сильнаго и хозяйственно предприимчиваго крестьянина, которому было тѣсно въ общинѣ: который хотѣлъ частной собственности на землю и *нуждался* въ ней.

Крестьянство отозвалось на этотъ призывъ. Возникло стихійное народное движеніе, но уже не разрушительное, а созидательное. Къ 1-му января 1911 года въ Европейской Россіи свыше 3 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ вышло изъ общины: эти крестьяне сдѣлались собственниками 27 милліоновъ десятинъ. Недостатокъ землемѣровъ не давалъ возможности удовлетворять всѣхъ, желавшихъ выйти изъ общины.

Аграрная Россія встала, наконецъ, на вѣрный путь: и жестоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что революція погасила это движеніе. Она его только отсрочила.

Князь Н. Б. Щербатовъ.

I. РУССКАЯ АРМІЯ ВЪ ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ.

(Нѣсколько цифръ).

Съ самаго начала міровой войны Русской Арміи пришлось играть «жертвенную» роль. Каждый разъ, когда нашимъ бывшимъ союзникамъ приходилось плохо, они просили помощи у нашей родины. Россія же могла противопоставить высокой военной техники нашихъ бывшихъ враговъ *только свое многолюдіе*. Изъ этого единственнаго источника своей военной силы она черпала щедрою рукой и во имя достиженія общей побѣды лила потоки крови своихъ сыновъ.

Какова же цѣна русской крови, которой оплачена побѣда нашихъ бывшихъ союзниковъ?

Установить точныя цифры боевыхъ потерь Русской Арміи въ минувшую войну не представляется возможнымъ. Большевизмъ погубилъ громадную часть документовъ важнѣйшаго историческаго значенія. Въ подобныхъ условіяхъ можно искать только приблизительныя величины.

Наши кровавыя боевыя потери (не считая пленныхъ), съ начала войны до 1-го октября 1917 года по даннымъ нашей Ставки достигали 4 750 000. Эта цифра была мною записана въ первыхъ числахъ октября, когда я готовился къ поѣздкѣ въ качествѣ главнаго представителя Россіи на конференцію Верховнаго Союзнаго Командованія, назначенную на ноябрь мѣсяць 1917 года въ Версаль.

Но это число оказалось не полнымъ итогомъ, такъ какъ нѣкоторое число раненыхъ, вернувшихся въ строй непосредственно изъ войсковыхъ санитарныхъ учрежденій не могло быть точно учтено. Постѣ многихъ дополнительныхъ изысканій, я пришелъ къ заключенію, что общій итогъ кровавыхъ потерь, понесенныхъ Русской Арміей въ войну 1914—1917 г.г. достигаетъ не менѣе *пяти съ половиною* милліоновъ.

Статистическія изслѣдованія кровавыхъ потерь въ міровую войну, сдѣланныя западно-европейскою наукой, позволяютъ установить для этой войны слѣдующее распредѣленіе потерь:

Убитые — 23% общаго числа потерь; умершіе отъ ранъ — 6%; раненые, потерявшіе трудоспособность полностью или частично — 11%; раненые выздоровѣвшіе — 60%.

Придерживаясь этого распредѣленія, мы получимъ для Русской Арміи слѣдующія данныя въ круглыхъ цифрахъ:

Убитыхъ — 1 300 000; умершихъ отъ ранъ — 350 000; инвалидовъ — 600 000; раненыхъ — 3 850 000 (изъ нихъ инвалидовъ 600 000).

Въ большинствѣ издаваемыхъ нынѣ совѣтскихъ трудовъ число нашихъ убитыхъ воиновъ исчисляется всего въ 775 000. Но въ этихъ трудахъ всѣ такъ называемые «безъ вѣсти про-

павшіе» совершенно произвольно отнесены къ категоріи военно-плѣнныхъ. Большевики всѣми способами стараются дискредитировать старую Русскую Армію и этимъ показать, что они не повинны въ развалѣ. Этого они и достигаютъ, доводя цифру русскихъ военно-плѣнныхъ до 3 300 000. а въ нѣкоторыхъ трудахъ до 3 900 000. Насколько такая цифра противорѣчитъ истинѣ, показываютъ нижеслѣдующія данныя.

По нашей просьбѣ въ Германскихъ и Вѣнскихъ военныхъ архивахъ былъ произведенъ тщательный подсчетъ количества взятыхъ русскихъ плѣнныхъ. Въ результатѣ этихъ подсчетовъ оказалось, что общее число захваченныхъ Германскими и Австро-Венгерскими войсками въ войну 1914—1917 г.г. русскихъ плѣнныхъ должно исчисляться въ 2 420 000. Если къ этой цифрѣ прибавить попавшихъ въ Болгарскій и Турецкій плѣнъ 20 000 человекъ, то мы получимъ общій итогъ въ 2 440 000.

Не безынтересно здѣсь указать, что Русская Армія, потерявъ такое огромное число плѣнныхъ, сама взяла въ плѣнъ въ теченіи этой же войны 2 000 000 враговъ.

Большая часть нашихъ воиновъ, попавшихъ въ категорію «безъ вѣсти пропавшихъ» должна быть отнесена къ числу убитыхъ. Во Франціи такъ и поступили: къ числу 674 000 «зарегистрированныхъ» убитыхъ, французы прибавили 225 300 «безъ вѣсти пропавшихъ».

Работая надъ установленіемъ общей цифры плѣнныхъ, мнѣ пришлось натолкнуться на данную совершенно неожиданную. Я увѣренъ, что такой же неожиданной она окажется и для многихъ.

Изъ 1 400 000 русскихъ, бывшихъ въ Германскомъ плѣну, пыталось бѣжать (по даннымъ Германскихъ архивовъ) око 10 260 000. Изъ нихъ 60 000 удалось бѣжать, а 200 000 было поймано.

Большое количество пойманныхъ понятно. Нашему полу-грамотному солдату прохожденіе непріятельской страны было несравненно труднѣе, нежели совершающему побѣгъ французу, англичанину или нѣмцу.

Дабы дать хотя небольшое представленіе какими примѣтами приходилось руководствоваться нашимъ убѣжавшимъ плѣннымъ при своихъ странствованіяхъ, могу повторить здѣсь рассказъ одного изъ нашихъ финансовыхъ агентовъ, г-на М., бывшего во время войны въ Швейцаріи. Находясь въ одномъ изъ ея пограничныхъ городовъ, онъ былъ ночью разбуженъ хозяиномъ гостиницы. Этотъ хозяинъ просилъ г-на М. поговорить съ двумя странными субъектами, которые не понимаютъ ни по-нѣмецки, ни по-французски. Оказалось, что это были убѣжавшіе изъ плѣна русскіе солдаты. Самымъ интереснымъ въ ихъ рассказѣ было то, что уже перейдя границу, они въ теченіе нѣсколькихъ дней скрывались въ лѣсахъ, ибо не знали,

ушли ли они из вражеской страны или пѣтъ. Однако, въ концѣ концовъ они рѣшили, что границу перешли. «Но почему же вы это рѣшили?», — спросилъ г-нъ М. — «Мы замѣтили, что на коровахъ колокольчики, у нѣмцевъ же эти колокольчики отобраны», — отвѣтили они.

Итакъ. 260 000 русскихъ пытались убѣжать изъ германскаго плѣна. По отношенію къ общему числу нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ Германіей (1 400 тысячъ). это составляетъ: 18,5%.

Такого процента попытокъ не дала ни одна нація.

Громадное число попытокъ бѣжать изъ германскаго плѣна опровергаетъ довольно распространенное мнѣніе о мало развитомъ чувствѣ любви къ Родинѣ въ русскихъ народныхъ массахъ. Правда, этотъ патріотизмъ, если можно такъ выразиться. «сырой». мало сознательный, но сила его несомнѣнна.

Н. Н. Головинъ.

II. ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦІЯ РУССКОМУ КРЕСТЬЯНИНУ?

Судьба русскаго крестьянина въ революціи глубоко поучительна и въ государственномъ, и въ хозяйственномъ отношеніи. Свидѣнью дѣло обстоитъ такъ, что его вѣковыя вождедѣнія осуществились: *вся* (или почти *вся*) земля *безвозмездно* перешла къ крестьянамъ; и «высшихъ сословій», вызывавшихъ въ массѣ и зависть, и нареканія — *не стало*. И въ то же время русское крестьянство никогда еще не переживало такой нищеты, никогда еще не имѣло впереди такихъ темныхъ и трудныхъ перспективъ, какъ нынѣ. Если когда то, послѣ отмѣны крѣпостного права. «порвавшаяся великая цѣпь» «ударилась однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику»; то коммунистическая революція, какъ обрушившійся обвалъ, раздавила и разорила — и помѣщика, и крестьянина. Недаромъ одинъ мудрый русскій ученый еще въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка твердилъ русскимъ народникамъ-радикаламъ: «землю отберете, но крестьянина и Россію разорите.»

Подведемъ сначала итоги этому разоренію и потомъ установимъ государственный и хозяйственный смыслъ свершившагося.

Что получило русское крестьянство отъ революціи?

1. *Безвозмездную земельную прирѣзку.*

Эта земельная прирѣзка составила къ 1920 году въ среднемъ по 29 губерніямъ европейской Россіи менѣе *двухъ пятыхъ десятины* на крестьянскую душу (или, что тоже, менѣе 20% уже имѣвшейся земли). Въ малорусскихъ губерніяхъ эта прирѣзка была больше. Установлено, что размѣръ этой прирѣзки

глубоко разочаровалъ крестьянъ, наивно переоцѣнивавшихъ размѣры помѣщичьяго землевладѣнія ¹⁾).

2. *Погашеніе всей дореволюціонной земельной задолженности* — недоимокъ, долговъ по купчимъ крѣпостямъ, банковскихъ платежей, частныхъ закладныхъ и т. д. Понятно, что вмѣстѣ съ этими платежами погасли и всѣ прежнія юридическія основанія («титуты») собственности, исчезла и всякая окончательность, прочность и безспорность владѣнія. *Объемъ* владѣнія нѣсколько увеличился; возмездность уступила мѣсто *даровщинѣ*; но *крѣпость* владѣнія была въ корнѣ подорвана.

3. *Значительную часть оборудования бывшихъ помѣщичьихъ хозяйствъ.*

Эта часть живого и мертвого инвентаря, доставшаяся крестьянамъ, была значительно уменьшена *вопервыхъ*, погромами перваго революціоннаго года; *во вторыхъ*, устройствомъ совѣтскихъ государственныхъ хозяйствъ («совхозовъ»), удерживавшихъ постройки и инвентарь для себя ²⁾); *въ третьихъ*, усиленнымъ насажденіемъ аграрныхъ коммунъ («колхозовъ»), снабжавшихся инвентаремъ преимущественно ³⁾).

Этимъ революціонныя пріобрѣтенія крестьянства исчерпываются. Говорить о «политическихъ» и «гражданскихъ» правахъ, якобы пріобрѣтенныхъ крестьянствомъ отъ революціи — могутъ только неосвѣдомленные или безсовѣстные люди. Въ совѣтской Россіи крестьянинъ не имѣетъ права ни купить, ни продать, ни подарить землю, ни заложить ее.

Что же потеряло русское крестьянство отъ революціи?

1. *Огромный клипъ пріобрѣтенной земли.*

Если у крупныхъ землевладѣльцевъ (считая свыше 50 десятинъ) было изъято не болѣе 40 милліоновъ десятинъ, то у крестьянъ было изъято и передѣлено не менѣе 45—50 милліоновъ десятинъ ⁴⁾). При передѣлѣ нерѣдко урѣзывались, какъ «кулацкія», всѣ хозяйства свыше 10 десятинъ. Вслѣдствіе этого уже къ 1919 году крестьянскія хозяйства съ мѣствомъ свыше 10 десятинъ стали большою рѣдкостью (по 25 губерніямъ 1,51%; до революціи ихъ было свыше 11%);

¹⁾ О дѣйствительныхъ размѣрахъ его см. въ статьѣ проф. В. А. Косинскаго: «Очерки по русскому аграрному вопросу», «Русскій Колоколъ», № 4. Приведенныя нами данныя о земельной прірѣзкѣ можно найти у совѣтскаго писателя Книповича. Очеркъ дѣятельности народнаго комиссариата земледѣлія за три года. Москва, 1920.

²⁾ По даннымъ Книповича по 32 великорусскимъ губерніямъ совѣтскія хозяйства занимали въ 1920 году около 12% всей сельско-хозяйственной площади.

³⁾ По совѣтскимъ даннымъ къ 1927 году подъ аграрными коммунами числилось около трехъ милліоновъ десятинъ сельско-хозяйственнаго назначенія.

⁴⁾ См. подсчеты бывшаго комиссара земледѣлія Смирнова. «Извѣстія», отъ 3 ноября 1927 г.

къ 1924 году хозяйствъ съ посѣвомъ свыше 6 десятинъ оставалось не свыше 8% ⁵⁾).

Это означаетъ, что «черный» передѣлъ поразилъ и обобралъ всю *зажиточную* часть деревни (коммунистическое насажденіе бѣдности, сознательное пролетаризированіе массъ, именуемое «раскулачиваніемъ» и «поравненіемъ»).

2. Крестьянство потеряло за революціонную инфляцію *всю свои сбереженія* по сберегательнымъ кассамъ. На 1 янв. 1914 года эти крестьянскія сбереженія составляли 427 милліоновъ *золотыхъ* рублей; на 1 янв. 1926 года крестьянскіе вклады составляли 2 съ небольшимъ милліона *советскихъ* рублей ⁶⁾ (покупательная способность червоннаго рубля — не свыше 40 копѣекъ довоенныхъ ⁷⁾).

3. Съ уничтоженіемъ крупныхъ хозяйствъ у крестьянъ естественно *отпали* *всѣ заработки* въ нихъ. Годовой размѣръ этихъ заработковъ только по средней и южной Россіи (производящая полоса) исчисляется коммунистами въ *одинъ миллиардъ рублей* въ годъ ⁸⁾. — Культурное, хозяйственно-техническое и національно-экономическое значеніе крупныхъ хозяйствъ (нынѣ общепризнанное) мы оставляемъ въ сторонѣ.

4. Революція принесла деревнѣ *жестокую смертность*. Гражданская война, эпидеміи, провіантская война противъ коммунистовъ (напр. избиеніе Тамбовской губерніи), голодъ. (обусловленный не просто неурожаемъ, но коммунистической «конфискаціей» запасовъ), разстрѣлы чекистовъ — все это вызвало неисчислимое множество жертвъ. По утверженію совѣтскаго экономиста Огановскаго (извѣстнаго своимъ революціоннымъ оптимизмомъ), деревня потеряла на 1920 годъ свыше 10 милліоновъ мушницъ ⁹⁾ и около 4 милліоновъ женщинъ. «въ общемъ — ... рабочихъ мушницъ около 30%» ¹⁰⁾. Къ этому присоединяются жертвы голоднаго 1921 года — по совѣтскимъ исчисленіямъ не менѣе 5.2 милліоновъ людей. Итого не менѣе 17 милліоновъ людей.

5. Революція принесла крестьянству значительное *сокращеніе посѣвной площади*. Передъ революціей въ 1916 году изъ 100% посѣвной площади крестьяне обрабатывали круглымъ счетомъ около 89% ¹¹⁾. По даннымъ комиссаріата земле-

⁵⁾ «Экономическая Жизнь», 1924, № 187.

⁶⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 30 октября 1926 г. Подсчеты, опубликованные Рыковымъ.

⁷⁾ По розничнымъ индексамъ Московскаго коопъютурнаго института на 1 января 1927 г.

⁸⁾ «Правда», 1924, № 76.

⁹⁾ На потери великой войны (убитыми, умершими и инвалидами) нельзя отнести болѣе 2¼ милліоновъ. См. авторитетное сужденіе Н. П. Головина въ предшествующей замѣткѣ.

¹⁰⁾ «Экономическое Обозрѣніе», 1927, октябрь. Статья Огановскаго.

¹¹⁾ Срв. у А. А. Салтыкова, стр. LXI и сл. въ его замѣчательномъ предисловіи къ книгѣ Менделѣева: «Къ познанію Россіи». Изд. Милавида. Мюнхенъ.

дѣлія посѣвная площадь составляла въ 1922 году 67% довоенной, въ 1924 году 76%, въ 1926 году 88% довоенной¹²⁾, въ 1927 году 96%¹³⁾.

Это означаетъ, что крестьяне не только не смогли запахать прирѣзанную имъ въ революціи землю, но вынуждены были забросить и значительную часть своего бывшего кліна; имъ понадобилось 10 лѣтъ для того, чтобы довести свою запашку до прежняго уровня.

6. Въ связи съ этимъ стоитъ всеобщее *революціонное обѣдѣніе* крестьянства. О немъ свидѣлствуютъ слѣдующія краткія цифры.

Валовой доходъ сельскаго хозяйства составлялъ на крестьянскую душу въ 1913 году — 113 рублей; въ 1926 году — 83 рубля. — т. е. всего 73% довоеннаго¹⁴⁾.

Участіе сельскаго населенія въ національномъ доходѣ составляло въ 1913 году 58%, а въ 1926 году всего 26%; такъ исчисляють сами коммунисты.

Урожайность съ десятины упала въ среднемъ на 36%¹⁵⁾.

Хлѣбные запасы крестьянства не превышаютъ $\frac{2}{3}$ довоеннаго количества¹⁶⁾.

Въ Россіи, особенно въ производящемъ районѣ, появилось множество безлошадныхъ хозяйствъ¹⁷⁾; уже къ 1924 году оно составляло въ среднемъ 40%, а по отдѣльнымъ губерніямъ доходило до 51% (Тамбовская), 60% (Донецкая), 61% (Воронежская), 70% (Донская Область) и даже 89% (Самарская). Къ 1926 году по одной РСФСР насчитывалось 4.6 милліоновъ безлошадныхъ хозяйствъ¹⁸⁾.

Отсюда увеличеніе числа малопосѣвныхъ и беспосѣвныхъ хозяйствъ. Уже въ 1925 году коммунисты исчисляли крестьянское населеніе безъ посѣва или съ полуголоднымъ посѣвомъ (менѣе 2 десятины) въ 37 милліоновъ душъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ всего крестьянскаго населенія¹⁹⁾.

Къ этому присоединяется длительный инвентарный кризисъ. Мертвый инвентаръ не возстанавливался съ 1915 года²⁰⁾. Сельск.-хоз. орудія, поставляемыя коммунистами, отличаются плохимъ качествомъ и высокой цѣной (плуги на 50% дороже

12) «Экономическая Жизнь», отъ 12 октября 1926 г.: «Извѣстія», отъ 2 ноября 1926 г. Повидимому, въ этотъ счетъ входитъ и запашка совхозовъ.

13) «Извѣстія», отъ 4 ноября 1927 г.

14) По исчисленіямъ комиссаріата земледѣлія.

15) Срв. «Экон. Жизнь», отъ 14 марта и 3 ноября 1926 г.

16) «Правда», отъ 28 ноября 1926 г.

17) Сравни замѣтки князя Н. Б. Щербатова въ № 5 и № 6 «Русскаго Колокола».

18) Срв. Бюллетень ЦСУ, № 89, стр. 26. «Бѣднота», отъ 27 ноября 1927 г. и друг.

19) См. «Экономическое Обзорѣніе», 1925 годъ, № 1.

20) «Экономическое Обзорѣніе», 1925 г., № 7.

довоеннаго, молотилки на 70%, соломорѣзки на 100%²¹⁾. Отсюда качественное паденіе обработки; отсюда дальнѣйшее паденіе урожайности. Крестьяне, лишеныя скота и инвентаря, сдаютъ землю въ кабальную аренду²²⁾, идутъ въ батраки за половину довоенной платы²³⁾ или бросаютъ землю и выселяются въ города.

7. *Высокіе налоги, низкія цѣны на хлѣбъ* и непомѣрно *высокія цѣны на плохіе продукты* совѣтской промышленности доканываютъ крестьянъ. Покупательная способность хлѣба стоитъ разъ въ пять ниже довоенной²⁴⁾. За коммунистическіе продукты крестьянство переплачиваетъ ежегодно не менѣе 1 миллиарда рублей²⁵⁾. И при всемъ томъ потребление крестьянства сильно падаетъ: такъ оно потребляетъ нынѣ всего 63% довоеннаго количества мануфактуры, 54% — кожи, 82% — сахара, 57% — стекла и т. д.²⁶⁾.

8. Революція не избавила крестьянство отъ *малоземелія*, напротивъ обострила его. Высокій приростъ населенія (не менѣе 2½ милліоновъ въ годъ), поразительный передѣлъ и общая тяга крестьянства къ раздѣламъ и дробленію — привели къ тому, что число хозяйствъ увеличилось за 10 лѣтъ революціи на 50% (съ 16 милліоновъ до 24 милліоновъ). Соответственно этому, по исчисленіямъ совѣтской статистики, крестьянское хозяйство было уже въ 1924 году хуже обезпечено землей чѣмъ въ 1905 году (*тогда* въ среднемъ имѣлось 8.5 десятинъ на хозяйство, теперь всего 7.4 десятинъ).

Все это означаетъ, что нынѣ крестьянское сельское хозяйство *не въ состояніи кормить всю висящую на немъ массу людей* («аграрная перенаселенность»). По признанію совѣтскихъ статистиковъ 16% безпосѣвныхъ крестьянъ выбрасывается ежегодно изъ деревни — совѣмъ или временно. Они тянутся въ городъ и увеличиваютъ и безъ того острую безработицу²⁷⁾: «ни городъ, ни промысла, ни промышленность пока (?) не въ состояніи поглотить всю освободившуюся (?) въ деревнѣ рабочую силу»²⁸⁾. —

Таковъ трагическій балансъ русскаго революціоннаго крестьянства. Онъ имѣетъ свой хозяйственный и государственный смыслъ, который можетъ быть намѣченъ здѣсь лишь коротко.

Въ *хозяйственномъ* отношеніи коммунистическая революція *разорила и разслоила* крестьянство. Чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, она отдала имъ почти весь запасъ

²¹⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 6 мая 1926 г.

²²⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 13 августа 1926 г. «Бѣднота», отъ 26 сентября 1926 г.

²³⁾ «На аграрномъ фронтѣ», № 4—5, стр. 11.

²⁴⁾ «Экономическая Жизнь», отъ 3 сентября 1926 г.

²⁵⁾ Докладъ коммуниста Яковлева.

²⁶⁾ Докладъ замѣстителя комиссара земледѣлія Свицерскаго.

²⁷⁾ «Экономическая Жизнь», 1926, № 264.

²⁸⁾ «Правда», отъ 4 ноября 1924 г.

сельско-хозяйственной земли. Этимъ она снизила сельско-хозяйственную культуру во всей странѣ, въ корнѣ подорвала имѣвшееся уже интенсивное земледѣліе и надолго сократила и затруднила вывозъ полноцѣннаго зерна за границу. Крестьянство въ Россіи будетъ отнынѣ бѣдствовать до тѣхъ поръ, пока не закончатся всякіе соціалистическіе опыты; пока не сложится собственническое крупноземельное крестьянство; пока не наладится массовое интенсивное земледѣліе. Съ этимъ связана и судьба не только зернового, но и всего сельско-хозяйственного вывоза. Однако и тогда останется пролетаризованная масса, которая или найдетъ себѣ работу въ возродившейся частно-собственнической промышленности, или же явится вѣчнымъ источникомъ смуты, бунтовъ, революцій и гражданскихъ войнъ. Во всякомъ случаѣ коммунистическая революція окажется *школой частной собственности и концомъ количественной аграрной иллюзіи*²⁹⁾: «аграрный вопросъ» впредь будетъ разрѣшаться *качественно*, въ сторону интенсивности, а не *количественно*, въ сторону «чернаго передѣла». Съ этимъ связана и государственная будущность Россіи.

Въ *государственномъ* отношеніи русская революція является великимъ предметнымъ урокомъ для всѣхъ народовъ и временъ. Классъ не выше государства и классовый интересъ не долженъ ставиться выше государственнаго. Классъ, подминающій подъ себя другіе классы и самую родину — губить всѣхъ и себя.

Тотъ, кто выдвигаетъ радикальныя требованія и добивается переворота, тотъ долженъ идти за радикальной, *ни съ чѣмъ не считающейся партией* и добиваться для нея власти. Онъ будетъ наивенъ, если вообразить, что эта партія будетъ считаться именно съ *его* требованіями. На безвозмездное отчужденіе имущества и на «черные передѣлы» идутъ только такіе люди, которые не понимаютъ хозяйственнаго, государственнаго и духовнаго значенія собственности, которые теоретически и практически *не уважаютъ* ея: напрасно думать, что они сумѣютъ чтить и ограждать собственность именно тѣхъ, кто добивался и получилъ отъ нихъ имущественную подачку. Масса, жаждущая имущественнаго передѣла въ свою пользу, естественно возлагаетъ свои надежды на коммунистовъ; по именно они то и готовятъ ей обманъ и разочарованіе.

Нельзя быть богатымъ въ разоренной странѣ, а имущественный передѣлъ есть всегда начало гражданской войны и разоренія. Безвозмездное отчужденіе есть актъ не строящій государство, а разрушающій: онъ какъ бы спускаетъ съ цѣпи всѣ худшія страсти; онъ колеблетъ и разлагаетъ уваженіе къ труду и собственности; онъ разлагаетъ правосознаніе, научая его тре-

²⁹⁾ См. въ № 4 «Русскаго Колокола» статью профессора В. А. Ко-
синскаго.

бовать подачекъ и помогать демагогамъ; онъ какъ бы начинать распродажу государственной власти съ молотка.

Наказаніе всегда укрывается въ самыхъ послѣдствіяхъ ошибки или проступка. Но *не крестьяне* несутъ отвѣтственность за случившееся — они остаются во всемъ своемъ невѣдѣніи политическими дѣтьми. Отвѣтственность за совершившееся лежитъ всецѣло на русскихъ радикалахъ, революціонерахъ и социалистахъ. И Россія вправе требовать отъ нихъ дулового хара-кири.

Редакція.

III. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Уже ко времени введенія такъ называемой «новой экономической политики» жилищный кризисъ въ городахъ совѣтской Россіи достигъ такой остроты, что совѣтская власть должна была подумать о приступѣ къ новому жилищному строительству. Слабое начало этому было положено лишь въ 1923 году. Съ тѣхъ поръ были затрачены значительныя средства, какъ изъ государственнаго бюджета, такъ и изъ бюджета промышленности на постройку новыхъ домовъ. Эти средства исчисляются сотнями милліоновъ рублей. Однако полезный результатъ этого строительства оказался недостаточнымъ для того, чтобы остановить паденіе жилой площади, приходящейся на одного жителя и обезпечить жилищемъ ежегодный приростъ городского населенія. Этотъ приростъ городского населенія опредѣляется совѣтскими статистиками за 1923—1926 года въ 4.263.000 человекъ, т. е. въ 22,5% (почти 1¼ милліона въ годъ); жилищную же площадь удалось увеличить за то же время лишь на 13,6%.¹⁾

Большими мѣстами жилищнаго строительства, какъ и вообще совѣтскаго строительства является — 1. необычайная его дороговизна и 2. *неудовлетворительное качество стройки* и употребляемыхъ въ дѣло строительныхъ матеріаловъ.

Дороговизна строительства характеризуется тѣмъ, что индексъ его по сравненію съ довоеннымъ по официальнымъ даннымъ равняется 2,65. Какъ поясняетъ авторъ уже цитированной статьи въ «Экономической Жизни», конкретно это означаетъ слѣдующее: «Затрачивая, скажемъ, 300 милл. р. на новое строительство, мы увеличиваемъ существующій жилищный фондъ только на 100 милліоновъ». ²⁾

¹⁾ См. Л. Выгодскій: Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи. «Экон. Обзорніе», 1928. Сентябрь. Стр. 138.

²⁾ Н. Козыренко: Очередныя нужды строительства. «Экономическая Жизнь», 18 января 1928 г.

Объ абсолютной неудовлетворительности совѣтскаго строительства въ качественномъ отношеніи, о разваливающихся на второй-третій годъ постройкахъ можно было бы привести изъ совѣтской печати сотни свидѣтельствъ и фактовъ. Съ точки зрѣнія осмысливанія совѣтской жилищной политики, какъ части огромнаго по своему размаху социалистическаго эксперимента, интересно остановиться на слѣдующемъ фактѣ.

Оказывается, что совѣтская власть строить рабочія квартиры слишкомъ роскошно для нищаго совѣтскаго рабочаго. Вѣроятно такіе дома съ трехкомнатными рабочими квартирами приводили въ восхищеніе тѣ иностранныя делегаціи, которымъ ихъ показывали. Но что происходитъ съ такими домами въ дѣйствительности, объ этомъ повѣдалъ ленинградскій делегатъ Вейнбергъ на прошлогоднемъ мартовскомъ пленумѣ ВЦСПС:

«У насъ очень развито строительство 2-хъ и 3-хъ комнатныхъ квартиръ, *между тѣмъ какъ рабочему большей частью требуется всего лишь одна комната.* Въ результатѣ очень часто рабочіе чуть ли не цѣликомъ отдають предоставленныя имъ квартиры въ наемъ, сами ютятся на кухнѣ или въ одной комнатукѣ. Это конечно далеко не способствуетъ сохраненію жилого фонда. Въ Ленинградѣ напимѣръ *лишь недавно построенные дома для рабочихъ находятся въ крайне запущенномъ состояніи.*» 1)

Насколько плачевно настоящее совѣтскаго строительства, настолько же безотрадно его будущее. Несмотря на обычный оптимизмъ совѣтскихъ пятилѣтнихъ и иныхъ плановъ, большевики не предаются никакимъ иллюзіямъ относительно возможности преодоленія жилищнаго кризиса въ ближайшіе годы.⁴⁾

Одинъ совѣтскій авторъ въ статьѣ, помѣщенной въ спеціальномъ изданіи, исходя изъ нормы ежегоднаго прироста городского населенія въ 700.000 человекъ (т. е. изъ нормы, значительно меньшей фактическаго прироста въ 1923—1926 г.г.) и изъ необходимости строить ежегодно 4 милліона кубическихъ сажень жилыхъ построекъ приходитъ вслѣдъ за другими совѣтскими писателями къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ:

«Принявъ во вниманіе, что ежегодный размѣръ всего жилищнаго строительства въ современныхъ границахъ СССР до войны былъ около 3.5 милл. куб. саж. и что наша промышленность строительныхъ матеріаловъ далеко еще не достигла довоенныхъ размѣровъ, мы можемъ съ полной опредѣленностью признать, что средняя ежегодная цифра въ 4 милл. куб. саж. представляется неосуществимой на ближайшіе 3—5 лѣтъ. Что касается увеличенія средней жилой площади на человека, то

³⁾ Жилищный вопросъ на пленумѣ ВЦСПС», «Трудъ», 1 марта 1928 г.

⁴⁾ См., напр., мою замѣтку: «Что дала революція русскому рабочему?», въ № 4 «Русскаго Колокола», отдѣлъ «Жилищныя условія», стр. 73 и 74.

изъ вышеизложеннаго видна *практическая невозможность доведения ея въ скоромъ времени до 16-аршинной нормы*.⁵⁾

Такимъ образомъ надежды на то, что совѣтская власть сможетъ возстановить въ значительной степени ея же стараніями и мѣрами разрушенный жилищный фондъ, на ближайшее время нѣтъ. Населеніе сдѣлало изъ этого уже надлежащіе практическіе выводы и . . . принялось строить само.

За послѣдніе четыре года (1924—1927) частными лицами было построено домовъ съ жилой площадью въ 7,82 милл. кв. метровъ, въ то время какъ все государственное, коммунальное и кооперативное строительство дало за то же время приростъ всего въ 6,38 милл. кв. метровъ. Такимъ образомъ *частное строительство дало больше половины всего прироста*, и что всего замѣчательнѣе, *съ затратой всего лишь четверти общей суммы, затраченной на строительство*.

Главную массу частного строительства составляетъ такъ наз. «индивидуальное рабочее строительство». Въ виду кошмарныхъ жилищныхъ условій на совѣтскихъ фабрикахъ и вблизи ихъ рабочіе стали строить свои домики, нѣрѣдко лачуги-мазанки, сами добывая себѣ то, что не можетъ дать имъ социалистическое государство. Вблизи городовъ и фабрикъ возникаютъ цѣлыя поселки, часто въ «самовольномъ» порядкѣ. Какъ сообщаетъ «Трудъ», подъ Екатеринбургомъ выросъ цѣлый такой поселокъ подъ названіемъ «Нахаловка». «Это свое названіе поселокъ получилъ потому, что онъ возникъ стихійно, безъ разрѣшенія коммунальщика».⁶⁾

Такъ пытается населеніе въ порядкѣ «стихійномъ» и «самовольномъ» въ формахъ частного хозяйства и частного права разрѣшить для себя жилищный вопросъ.

Что коммунистическая власть сама признала свое полное банкротство въ этомъ дѣлѣ, показываетъ изданный 28 августа 1928 г. декретъ, предоставляющій совершенно исключительныя, съ точки зрѣнія совѣтскаго строя, права и преимущества частному капиталу — какъ иностранному, такъ и русскому — въ дѣлѣ постройки новыхъ жилыхъ домовъ. Предпринимателямъ предоставляются на льготныхъ условіяхъ участки для постройки домовъ (не менѣе определенной площади), при чемъ эти дома остаются частной собственностью застройщиковъ и послѣдніе имѣютъ право сдавать въ нихъ квартиры внѣ всякихъ ограниченій, установленныхъ совѣтскимъ законодательствомъ въ отношеніи квартирной платы и распределенія жилой площади.

Со времени изданія этого декрета, который въ свое время былъ встрѣченъ ликованіемъ всѣхъ иностранцевъ, страстно желающихъ «увѣровать» въ «эволюцію» большевиковъ, прошло

⁵⁾ Запорожецъ: Рабочее жилищное строительство СССР. Сборникъ руководящихъ статей по раб. жил. строительству. Москва, 1927. Стр. 22.

⁶⁾ «Трудъ», 19 января 1928 г.

полгода, а между тѣмъ за это время не стало извѣстно ни одного факта, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что нашлись капиталисты, русскіе или иностранные, желающіе воспользоваться его необычайными льготами. Очевидно опытъ съ совѣтскими концессіями въ достаточной мѣрѣ убѣдилъ всѣхъ серьезныхъ иностранцевъ въ невозможности созданія «капиталистическихъ оазисовъ» въ обстановкѣ хозяйственной разрухи и произвола, исключаяющихъ нормальное функционированіе частныхъ предпріятій и охрану ихъ нравъ.

Такимъ образомъ задача устраненія настоящаго небывалаго въ исторіи жилищнаго кризиса и созданія для будущихъ поколѣній русскихъ людей достойнаго жилища, этой необходимой основы не только матеріальной, но и духовной культуры, всей своей тяжестью ляжетъ на плечи строителей будущей возрожденной Россіи. Для русскихъ архитекторовъ и инженеровъ, въ особенности для находящихся въ эмиграціи, открывается отвѣтственная, но благодарная задача — изучить и использовать необыкновенно богатый европейскій опытъ послѣдняго десятилѣтія въ этой области для того, чтобы указать и разработать тѣ пути и техническія средства, которыя должны лечь въ основу излѣченія одной изъ самыхъ тяжелыхъ ранъ, оставленныхъ на тѣлѣ народнаго хозяйства Россіи годами большевистскаго лихолѣтія.

В. Гефдингъ.

IV. О НЕПРЕДРЪШЕНИИ.

Тому, кто любитъ свою родину: кто признаетъ, что ей *необходима государственная форма*; и кто участвуетъ въ жизни своего государства *волею* — естественно имѣть *политическую волевою идею*, вѣрить въ ея спасительность и желать ея осуществленія. Такъ, авторъ этихъ строкъ — *монархистъ* по глубокому, жизненному убѣжденію, вѣрою, любовью и разумніемъ: онъ убѣжденъ въ томъ, что настоящая, здоровая монархія выше, благотворнѣе, жизнениѣе, — чѣмъ самая удачная, «благоустроенная» республика; и еще онъ убѣжденъ въ томъ, что пока Россія будетъ республикой, она будетъ пребывать во внутренней смутѣ и международной слабости, независимо отъ того, будетъ ли это «соціалистическая» или «буржуазная» республика.

И тѣмъ не менѣе онъ отстаиваетъ принципъ *непредрѣшенія*, т. е. онъ считаетъ, что русскіе, находящіеся за рубежомъ, *не имѣютъ права и не должны предпрѣшать послѣ-коммунистическую форму русскаго государственнаго строя*, не должны организовываться за рубежомъ въ *партіи* для того, чтобы *навязать* эту форму внутренней Россіи. И вотъ въ силу какихъ основаній.

1. Только политическіе младенцы могут думать, что политическая идея осуществима *при всякихъ условіяхъ и въ любое время*. Монархія есть *высшая* форма государственнаго единенія; но именно поэтому далеко не всякій народъ и далеко не во всякомъ душевномъ состояніи способенъ осуществить ее. Есть уровень моральнаго и политическаго разложенія, на которомъ «монархія» возможна только какъ мимолетная, жалкая и пошлая карриатура, ничего не спасающая и всёхъ разочаровывающая.

2. Какъ бы внимательно ни слѣдили мы за событіями внутри Россіи, мы до самаго конца не будемъ въ состояніи опредѣлить того душевнаго процесса, который совершается въ массѣ русскаго народа. — процесса его *религіозно-нравственнаго очищенія и политическаго созрванія*. Самъ по себѣ процессъ этотъ крайне сложенъ, медлителенъ, безформенъ и лишенъ органовъ проявленія; а коммунисты еще задерживаютъ его, искажаютъ и подавляютъ. Всё «провидѣнія» и политическія истолкованія этого безпримѣрнаго процесса. — да еще издали и послѣ долгаго отсутствія, — неосновательны и легкомысленны: говорить, что «теперь весь народъ хочетъ демократической республики», или, что вся страна «мечтаетъ о царѣ» — значитъ заниматься завѣдомо недобросовѣстной партійной спекуляціей. Наши свѣдѣнія и наша сила сужденія здѣсь просто *недостаточны*. При такихъ условіяхъ «предрѣшающей» — совершаетъ поступокъ политически безответственный.

3. Монархія имѣетъ природу *органическую и религіозную*; она означаетъ *конецъ* смуты и *революціи*. Поэтому возрожденіе ея требуетъ несравненно большаго оздоровленія, очищенія и зрѣлости, чѣмъ продолженіе революціи въ формѣ некоммунистическаго республиканства. Послѣ паденія коммунистовъ въ странѣ можетъ не оказаться ни духовныхъ, ни общественныхъ силъ для возстановленія монархіи и подготовка этихъ силъ потребуетъ немало времени и борьбы. Наивно думать, что монархія возрождается посредствомъ партійныхъ резолюцій или провозглашеній. Необходимъ *укорененный въ странѣ образованный кадръ, способный и готовый идейно служить и честно строить монархію*; имѣется ли онъ? Необходимо *массовое довѣріе и сочувствіе, еще не извѣдавшее республиканской демагогіи или уже разочаровавшееся въ ней*; имѣется ли оно? Необходима *монархически настроенная армія*; имѣется ли она? Пытаться же возродить монархію при отсутствіи всёхъ этихъ условій значило бы — *предавать царя на растерзаніе и посльнище, и компрометировать монархическое начало*. Революція разрушила Россію *безпримѣрно*; всякія ссылки на русскую Смуту или на иноземныя революціи — просто несостоятельны: аналогій *нѣтъ*; и «предрѣшаю-

щій» — просто не знаетъ и не понимаетъ самъ, что онъ дѣлаетъ.

4. Мы не знаемъ и до конца не будемъ знать, что установится въ Россіи послѣ паденія коммунизма. Быть можетъ — слабая республика; тогда оздоровленіе затянется. Быть можетъ — диктатура (сильная республика непременно сведется къ диктатурѣ); тогда оздоровленіе ускорится. Попытка же установить въ періодъ оздоровленія *монархію* — была бы вредна не только для Россіи, но и для монархическаго начала, ибо дезинфекція или чистка выгребныхъ ямъ не есть дѣло царя; это дѣло поставило бы его съ самаго начала въ фальшивое положеніе и отвлекло бы отъ него сердца. Монархія есть начало примиренія, а не распри; начало достоинства, а не демагогической угодливости.

5. Мы должны помнить, что послѣ паденія коммунизма Россіи предстоить періодъ *хозяйственной разрухи, государственнаго безсилія и международных униженій*. Это бремя будетъ посилено только *геніальному* человѣку; негеніальный монархъ — падетъ подъ этимъ бременемъ самъ и *скомпрометируетъ монархическое начало*. Мы должны помнить, что настоящая монархія, монархія *силы и достоинства*, можетъ оказаться невозможною и что монархія международной зависимости, внутренняго заискиванія и демагогическихъ посуловъ унижить и уронить монархическій принципъ; мы должны помнить, что *плохая республика подготовитъ хорошую монархію*, а *преждевременная и слабая монархія подготовитъ длительную республику*.

При такихъ условіяхъ преждевременно навязанная странѣ монархія можетъ оказаться полезной только республиканцамъ, коммунистамъ и врагамъ Россіи. И предрѣшеніе ся нынѣ могло бы быть попятно только въ устахъ истиннаго «провидца», которому «открылось свѣтлое будущее».

6. Среди русскихъ, пребывающихъ нынѣ за рубежомъ, *всякое* предрѣшеніе (и монархическое, и республиканское) звучитъ по меньшей мѣрѣ *претенціозно*. Люди, выдвигающіе такія формулы: «съ монархіей въ Россіи покончено навсегда»; или: «республика въ Россіи не будетъ допущена» — доказываютъ этимъ только то, что сила ихъ политическаго сужденія крайне незначительна. Кто они сами, эти «кончающіе» и «недопускающіе»? Какія явныя или тайныя силы уполномочили ихъ предрѣшать за всю Россію? За кѣмъ изъ нихъ стоитъ все зарубежье? Но если бы за кѣмъ нибудь изъ нихъ и стояло «все зарубежье» — то это былъ бы всего одинъ миллионъ изъ ста пятидесяти миллионъ, составляющихъ Россію. Сколь бы ни были цѣнны культурныя силы зарубежной Россіи — онѣ остаются и численно, и морально, и политически *недостаточными* для предрѣшенія. Всякое предрѣшеніе, идущее изъ за рубежа, вызываетъ во внутренней патріотической Россіи спра-

ведливый и гнѣвный отпоръ. Сколько разъ намъ приходилось слышать тамъ въ Россіи формулы этого отпора: «Иго несемъ мы; бремя опасности и борьбы *на насъ*; а предрѣшаете и распоряджаетесь изъ за рубежа *вы*? Кто *вы*, не отстоявшіе Россію отъ большевиковъ, удалившіеся за предѣлы досягаемости и нынѣ дѣлящіе наслѣдство несвергнутаго врага?! Помните, что свергнувъ коммунистовъ здѣсь, мы можемъ и совсѣмъ не пустить на родину васъ, зарубежныхъ предрѣшателей...»

7. Предрѣшающій въ зарубежьи — или произносить пустяки, необязывающія его ни къ чему слова, или же *обязуется повести революціонную борьбу и гражданскую войну противъ всякаго строя, имъ заранее осужденнаго*. Такъ, предрѣшившіе республиканцы обязуются свергать всякаго диктатора и монарха, который поведетъ дѣло спасенія Россіи: въ качествѣ *новыхъ революціонеровъ стѣва*, они останутся за рубежомъ, поведутъ террористическую работу и будутъ добывать деньги для того, чтобы поднять въ Россіи новую гражданскую войну за республику. Соотвѣтственно этому, предрѣшившіе монархисты, выдвигающіе кандидата на престоль, обязуются свергать всякаго другого кандидата («бонапарта»), всякаго не подчиняющагося имъ диктатора и всякую республиканскую власть, которая будетъ пытаться оборонить Россію отъ новыхъ коммунистическихъ покушеній: въ качествѣ *новыхъ революціонеровъ справа*, они останутся за рубежомъ, поведутъ явную и тайную агитацію и будутъ пытаться поднять новую гражданскую войну за своего претендента.

Если они *не* намѣрены это дѣлать, то какой политической смыслъ имѣютъ ихъ грозныя предрѣшенія? А если ихъ намѣренія именно таковы и они готовятъ Россіи новую революцію и гражданскія войны — то замыслы ихъ по отношенію къ Россіи *безумны и преступны* и русская исторія не почетомъ отмѣтитъ ихъ имена.

8. Мы должны отпираться отъ того, что *Родина выше политической формы* и что Россія потеряла уже *слишкомъ много* для того, чтобы терзать ее новыми кровавыми переворотами. Мы должны помнить, что патриотъ-республиканецъ и патриотъ-монархистъ — *сыны одной Россіи* и что нынѣ смертная борьба между ними была бы предательствомъ по отношенію къ Родинѣ.

9. *Всякій* несоціалистическій строй въ Россіи будетъ *лучше* совѣтскаго-коммунистическаго: при *всякомъ* такомъ строѣ мы должны добиваться возвращенія и права жить и работать на своей родинѣ. И нынѣ ни одна противосовѣтская организація не должна мѣшать другой въ ея борьбѣ съ коммунистами, но всѣ онѣ должны договариваться между собой по принципу: *вмѣстѣ бить*.

Остальное выяснится и рѣшится въ самой Россіи.

Старый Политикъ.

У. ОТЦЫ И ДѢТИ ВЪ ПОЛИТИКѢ.

Несогласія между отцами и дѣтьми въ практическихъ вопросахъ жизни и особенно въ вопросахъ политики — есть явленіе *въчное*: оно обусловлено возрастомъ и опытомъ жизни; оно неизбѣжно; и тѣмъ не менѣе каждое поколѣніе переживаетъ это расхожденіе, какъ что то «новое» и «особенное» и можетъ быть даже «тревожно-зловѣщее» (срв. «Отцы и дѣти» Тургенева). И всегда бываетъ такъ, что чѣмъ забывчивѣе, безотвѣтственнѣе и самодовольнѣе отцы, и чѣмъ наивнѣе самоувѣреннѣе и темпераментнѣе дѣти, тѣмъ легче это расхожденіе принимаетъ отбѣнки «драматическій» и даже «трагическій». А между тѣмъ вѣрное разрѣшеніе этого вопроса возможно только на основѣ *взаимнаго пониманія* и *взаимнаго восполненія*.

Мало того, вѣрно разрѣшить этотъ вопросъ значитъ вообще отодвинуть его на задній планъ, какъ бы *вовсе снять его*: ибо для *предметнаго и творческаго служенія* существенъ совѣтъ не возрастъ, а *вѣрность взгляда, преданность* и *сила воли*. По этимъ тремъ признакамъ отцы должны объединяться и съ отцами, и съ дѣтьми: а дѣти должны объединяться и съ дѣтьми, и съ отцами. Передъ *служеніемъ родителю* передъ *духовнымъ единомысліемъ*, передъ *стойкой энергіей поступка* — возрастъ не существуетъ; выдвигать вопросъ возраста здѣсь не только неумѣстно и странно, но просто *непозволительно*: при вѣрномъ подходѣ къ дѣлу — онъ и самъ не выдвинется. А если онъ выдвигается, то это означаетъ, что люди духовно *не доросли, не пострадали до предметнаго и творческаго служенія*, но застряли въ вопросахъ непредметнаго «само-чувствія», неудовлетвореннаго тщеславія, честолюбія и всѣхъ тѣхъ неумѣній и мелочныхъ претензій, которыя размножаютъ и составляютъ ненужный *соръ жизни*.

По сколько отцамъ и дѣтямъ не удастся установить между собою взаимнаго пониманія и взаимнаго восполненія, постольку силы народа начинаютъ растрчиваться даромъ: ибо *жизненный опытъ* старшаго поколѣнія проходитъ *мимо* младшаго поколѣнія, не научая его, не ограждая его отъ промаховъ, заставляя его начинать все съ самаго начала, отыскивать *уже найденные* пути, впадать въ *изжитыя* заблужденія и повторять бытныя ошибки. Понятно, что если бы такое положеніе дѣла водворилось *во всемъ*, то *вся культура* остановилась бы и оказалась бы невозможной: въ религіи отпало бы благовѣстіе, писаніе, преданіе и преемство благодати; въ наукѣ все оказалось бы «неизслѣдованнымъ» и «недоказаннымъ»; всѣ художественныя созданія искусства стали бы казаться людямъ

«выдохшимся» и «мертвымъ» «хламомъ»; нравственное и государственное воспитаніе людей стало бы совсѣмъ невозможнымъ; а въ техникѣ и въ хозяйствѣ люди остались бы навѣки первобытными дикарями.

Вопросъ о соотношеніи отцовъ и дѣтей есть вопросъ *духовной традиціи*. Если бы духовная традиція отпала, то все стало бы *безпочвеннымъ, безсильнымъ, эфемернымъ*. Горе тому поколѣнію, которое не умѣетъ ни воспринять, ни передать духовную традицію! Оно обречено на безпомощную и притязательную суетню; оно будетъ унесено смертью *до того*, какъ успѣетъ создать что нибудь; и неизбѣжно станетъ посмѣшищемъ грядущихъ, болѣе здоровыхъ поколѣній.

Именно такова затѣя *всякой революціи* и особенно *большевицкой революціи*: порвать національную — государственную и культурную — традицію, отдаться самоупоенному произволу, все перевернуть, поставить на голову, начать все «сызнова», по «новому», по неслыханному, оказаться «умнѣе всѣхъ» и «смѣлѣе всѣхъ», и, потрясши міръ «дерзаніемъ», «повести за собою» все челоуѣчество. Источникомъ всего этого является: *духовное нещастіе, необузданное самолюбіе и совершенно больное тщесловіе*. Ничтожество и убожество всѣхъ подобныхъ затѣй предвидѣно и обличено въ «Бѣсахъ» Достоевскаго.

И вотъ, всѣ, неподдавшіеся духовной заразѣ большевизма должны всегда помнить о томъ, что эта бѣсовская зараза *прокрадывается въ сердца незамѣтно*, укрывается въ отгѣнкахъ и обнаруживается тамъ, тогда и у тѣхъ, кто, гдѣ и когда меньше всего этого ожидаетъ. «Прираженія» этого духа многообразны и неожиданны: и одоуѣваются только *бдѣніемъ, трезвеніемъ и нещадной самокритикой*. Какъ проникающій повсюду трунный запахъ, такъ нынѣ незримо разливается въ душахъ большевицкая отравка, особенно опасная для молодыхъ поколѣній зарубежья, не перегорѣвшихъ въ дьявольской плавильницѣ коммунистовъ, не видѣвшихъ непосредственно величія Россіи и не смотрѣвшихъ въ зрачокъ сатаны; но именно поэтому у нихъ нѣтъ того *духовнаго иммунитета*, который нынѣ пріобрѣтаетъ *несоблазнившаяся* молодежь подъяремной Россіи.

Для вѣрнаго разрѣшенія основной задачи *духовной традиціи*, необходимо, чтобы отцы *могли и умѣли передать*, а дѣти *желали воспринять*.

Духовная традиція (буквально — «передача») не составляетъ всюду, гдѣ отцы *растеряли* воспринятое ими самими, а своего *не пострадали*; гдѣ имъ *нечего* передать; или гдѣ они *забыли свой долгъ* передачи; или гдѣ они *не умѣютъ найти доступъ къ сердцу* и къ *довѣрью* младшаго поколѣнія.

Справедливость требуетъ признать, что современные русскіе политическіе отцы (за исключеніемъ немногихъ людей, окостенѣвшихъ въ своемъ дореволюціонномъ самолюбованіи и въ своей политической безсовѣстности) — перестрадали и пере-

думали такъ много, что имъ по истинѣ *есть*, что передать слѣдующему поколѣнію. У нихъ есть не только опытъ заблужденій и непротивленчества, но и опытъ *преодоленія ошибокъ* и опытъ (хотя еще и не побѣдоносной, но искренней и напряженной) *борьбы*. Они видѣли и величіе прошлаго, хотя надломленного уже и больного; — и процессъ подкона и крушенія; — и позоръ, и несчастіе дна. И если даже многіе изъ нихъ нынѣ не берутся сказать, что дѣлать дальше, то за то многіе изъ нихъ знаютъ досконально, сколь *сложно и отвѣтственно всякое дѣланіе* и *чего именно безусловно не слѣдуетъ дѣлать*. Среди нихъ есть и такіе, которые способны передать древнюю и священную традицію; есть и такіе, которые сами пострадали цѣлое богатство опыта и разумнія. И если имъ чего нибудь не хватаетъ, то именно *творческой воли къ передачѣ* и той способности *учить участь*, безъ которой между поколѣніями трудно возникаетъ взаимное довѣріе и живое сотрудничество.

Духовная традиція не составляетъ и тамъ, гдѣ въ душахъ дѣтей не укоренено или поколеблено *чувство священнаго* или пробуждено *голодное самочувствіе*.

Тамъ, гдѣ нѣтъ чувства *священнаго*, тамъ нѣтъ и чувства *тайны*, нѣтъ *благоговѣнія*, почтенія и уважительности (противъ всего этого и направлена всякая революціонная и большевистская пропаганда); тамъ слабѣетъ *религіозное чувство*, тамъ колеблются всѣ *авторитеты* и всѣ здоровыя *консервативныя* начала жизни. Въ душахъ расцвѣтаетъ упрощительство («все просто!»), самознайство («я и самъ безъ васъ все знаю!»), безотвѣтственность (слѣпота и безразличіе къ послѣдствіямъ поступка) и нигилизмъ («нѣтъ ничего святого»). При этомъ всегда бываетъ такъ, что здоровые и почвенные авторитеты низвергаются только для того, чтобы на ихъ мѣсто пробрались контрабандой авторитеты нездоровые и беспочвенные. Фанатики «новаго» никогда не бываютъ творцами; и *истинно-новое* никогда не создается на этомъ пути; но разрушительные психозы овладѣваютъ душами именно въ этомъ порядкѣ — въ порядкѣ «декадентства» (отъ *decadere* — отпадать, выпадать) и «революціи» (отъ *revolvere* — перевертывать), въ порядкѣ «схожденія съ рельсъ» и крушенія...

Тамъ, гдѣ пробуждено *голодное самочувствіе*, тамъ душа переоцѣниваетъ свои *силы* и недооцѣниваетъ *сложность міра* и *трудность* своихъ заданій. Бя драгоцѣнное «я» — требовательно, притязательно и *заслоняетъ* собою или отодвигаетъ *Дѣло*. Отсюда — тщеславіе, заносчивость, самомибіе, честолюбіе и самая комичная жажда «поскорѣе начать фигурировать». Скромности мало или совсѣмъ нѣтъ. *Собственная сила сужденія не подвергается никакому сомнѣнію*. Появляется рядъ людей умственно скоробогатыхъ и нравственно скоробогатыхъ; способныхъ шумѣть, претендовать и смер-

тельно обижаться, но мало способныхъ строить и дѣлать дѣло и совсѣмъ неспособныхъ отличить добро отъ зла и генія отъ злодѣя; — типъ вреднаго скороцвѣта и пустоцвѣта.

Справедливость требуетъ признать, что современные русскія политическія «дѣти» за рубежомъ въ большинствѣ своемъ не предаются ни *тягъ къ нигилизму*, ни *голодному самочувствію*. Однако послѣдній соблазнъ грозитъ имъ большею опасностью. какъ впрочемъ и всѣмъ революціоннымъ поколѣніямъ: ибо честолюбіе не только колеблетъ и подрываетъ троны, но расцвѣтаетъ съ особою, прямо болѣзненною силою *послѣ* ихъ низверженія.

Такимъ образомъ нынѣ за рубежомъ ни со стороны старшаго поколѣнія, ни со стороны младшаго поколѣнія нѣтъ признаковъ, заставляющихъ опасаться за русскую духовную традицію; и отдѣльныя болѣзненные проявленія, исходящія отъ «дѣтей» и почти всегда вызванныя подстрекательствомъ кого либо изъ непреуспѣвшихъ «отцовъ», — не должны быть обобщаемы.

Гораздо сложнѣе, болѣзненнѣе и опаснѣе обстоитъ дѣло въ подъяремной Россіи.

И. А. Ильинъ.

VI. ЖИВЫЯ СЛОВА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Наставленія Государямъ.

Сила государствъ покоится на великихъ людяхъ, которые рождаются для нихъ въ нужный часъ. Великій человекъ не нуждается въ предкахъ.

Нѣтъ способа правленія, который не имѣлъ бы своихъ недостатковъ. Но если во главѣ государства стоитъ рѣшительный государь, то въ монархіи оказывается меньше партійнаго духа, чѣмъ въ республикахъ, которыя нерѣдко растерзываются интригами гражданъ, пытающихся вытѣснить другъ друга. Хорошо управляемая монархія должна быть какъ единая семья.

Люди срастаются внутренно только съ тѣмъ, что имъ принадлежитъ. Государство не принадлежитъ министрамъ; поэтому ихъ сердце не прилѣпляется воистину къ его благополучію.

Государь есть лишь первый слуга государства, онъ обязанъ дѣйствовать по правдѣ, съ величайшей проницательностью и совершеннымъ безкорыстіемъ, такъ, какъ если бы ему приходилось ежеминутно давать своимъ согражданамъ отчетъ въ своемъ управленіи.

Случай, господствующій надъ человѣческими судьбами рѣшаетъ вопросъ о первородствѣ. Но въ силу того, что человекъ является королемъ, онъ еще не становится лучше другихъ.

Если монархическое правленіе должно доказать свое превосходство надъ республиканскимъ. то государю уже дана линія поведенія: онъ долженъ быть дѣятеленъ и чистъ характеромъ, и собрать всѣ свои силы для того, чтобы разрѣшить предуказанную ему задачу.

Будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ! Взвѣсьте сначала «за» и «противъ»; но если Вы однажды объявили свою волю, то ужъ ни за что на свѣтѣ не мѣняйте въ ней ничего!

Необходимо быть молчаливымъ. наблюдать за собою, господствовать надъ своими чувствами, прятать свои намѣренія, скрывать свой характеръ и не показывать ничего, кромѣ подобающей рѣшительности, смягченной чувствомъ права.

Исторія есть школа государей.

Счастье нерѣдко бываетъ опаснѣе для государей, чѣмъ несчастье. Первое ошьяняетъ и ослѣпляетъ ихъ; второе учитъ ихъ осторожности и скромности.

Умѣніе править составляетъ особую науку; тотъ, кто хочетъ компетентно говорить о семь вопросѣ, долженъ пройти черезъ долгое изученіе.

Для лѣниваго лавры не растутъ. Богиня славы вѣнчаетъ только того, кто борется и имѣетъ мужество.

Прежде всего необходимо уловить духъ народовъ, которыми хочешь править, — чтобы знать, кротко или сурово надо ими управлять, мятежны ли они, склонны ли они къ безпорядку, къ интригамъ и глумленію, въ чемъ ихъ дарованія и къ какимъ должностямъ они наиболѣе пригодны.

Мудрый государь долженъ приложить все свое усердіе къ воспитанію полезныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ.

Государь долженъ обладать такимъ знаніемъ людей, чтобы поставить честныхъ людей по крайней мѣрѣ во главѣ провинцій.

Лишь немногіе люди рождаются совсѣмъ безъ таланта. Поставить каждаго на вѣрное мѣсто значитъ извлечь изъ всѣхъ двойную пользу.

Для поддержанія добрыхъ нравовъ необходимо прежде всего, чтобы отличіе давалось единственно и исключительно за заслуги.

Лучшее обхожденіе съ принцами крови состоитъ въ томъ чтобы осыпать ихъ внѣшними почестями, но держать ихъ вдали отъ государственныхъ дѣлъ и довѣрять имъ военное командованіе только при достаточной надежности, т. е. если у нихъ есть талантъ и если можно положиться на ихъ характеръ. Принцессы не должны вмѣшиваться въ правленіе — никогда, ни подъ какимъ предлогомъ.

Чтобы избѣгать вредныхъ мѣропріятій, государь долженъ ставить себя въ положеніе крестьянина или фабричнаго рабочаго и спрашивать себя — чего же бы я хотѣлъ въ этомъ слу-

чаѣ отъ Государя? То, что ему тогда подскажетъ его здравый человѣческій разумъ, онъ и обязанъ осуществлять.

Я рѣшился никогда не вмѣшиваться въ теченіе судебныхъ дѣлъ; ибо въ судахъ слово должно принадлежать законамъ, а государь долженъ молчать.

Доходы государства не принадлежать государю.

Я разсматривалъ доходы государства, какъ существенное достояніе народа, въ которомъ я повиненъ ему отчетомъ. Я никогда не посягалъ для моихъ личныхъ надобностей ни на малѣйшую ихъ часть. И вотъ, я умираю бѣднымъ, но удовлетвореннымъ, въ сознаніи, что я исполнилъ мой долгъ правителя.

Посоветуйтесь съ Макиавелли и онъ Вамъ скажетъ, что всѣ средства хороши и правомѣрны, если только они служатъ пользѣ и честолюбію государя. Это мораль преступниковъ. Для всѣхъ людей есть только одна добродѣтель, одна справедливость. Только добродѣтельные поступки дѣлаютъ человѣка бессмертнымъ. Я буду лучше мечтать, какъ человѣкъ чести, чѣмъ совершать преступныя дѣянія.

Разсчитывайте только на самихъ себя! Тогда Вы никогда не обманетесь. И смотрите на своихъ союзниковъ и на свои договоры только какъ на суррогатъ! Многіе договоры приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Наша должность состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о благополучіи народовъ. Если мы видимъ, что въ какомъ нибудь союзѣ скрывается опасность для нихъ или необезпеченность, то мы должны порвать его, чтобы ихъ оградить; здѣсь государь приноситъ себя въ жертву для спасенія своихъ подданныхъ.

Случаи, въ которыхъ договоры могутъ нарушаться, таковы: 1. если союзникъ не исполняетъ своихъ обязательствъ; 2. если онъ хочетъ насъ обмануть и намъ не остается никакого исхода, кромѣ того, чтобы предупредить его въ этомъ; 3. если какая нибудь высшая сила подавляетъ насъ и принуждаетъ насъ къ нарушенію союза, и наконецъ 4. если исчерпаны средства для продолженія войны.

То, что у частнаго человѣка является ошибкой, то для государя становится порокомъ.

Если государь совершаетъ ошибку отъ незначія, то онъ несетъ такую же вину, какъ если бы онъ совершилъ ее въ силу дурного намѣренія. Если короли думаютъ о будущемъ лишь поверхностно и принимаютъ мѣры необдуманно, то отъ этого бывають вынуждены страдать милліоны людей.

Если бы справедливость была изгнана изъ всего міра, то ее все таки можно было бы найти у великихъ царей.

А я, предъ угрозой крушенія, полный къ бурѣ презрѣнія, долженъ мыслить, жить и умереть королемъ!

A/S „SALAMANDRA“ Latvija, Riga, Bruninieku iela, 25

Издательство Акц. Общ. Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“

Художественный журналъ

„П Е Р Е З В О Н Ы“

На дняхъ выходить богато иллюстрированный № 42 журнала,
посвященный художнику БОР. ГРИГОРЬЕВУ.

Цѣна 25 американскихъ центовъ.

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экз., пятый экз. высылается безплатно. Въ виду отсутствія во многихъ странахъ контрагентовъ, издательство обращаетъ вниманіе гг. читатлей на это условіе коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала за 1925-1927 гг., съ 1-го сентября 1928 г. на нихъ цѣна повышена вдвое.

Въ мышцахъ сила, въ сердцѣ отвага, въ мысляхъ родина.

РУССКІЙ СОКОЛЬ

въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ

**Органъ Правленія Краевого Союза
Двухмѣсячный журналъ**

Адресъ редакціи:

Београд, Кр. Милутина 48, стан 3 „Руски Соко“

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д ъ И З Д А Н І Я 53 - й.

Основана **А. С. Суворинимъ** въ Санктъ Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца

въ Главной Конторѣ газеты:

БЪЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ нац.-освобод. борьбы и славянской взаимности.

Редакторъ **К. І. ЗАЙЦЕВЪ**

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи **П. Б. СТРУВЕ**

PARIS (V) 12, RUE ROYER-COLLARD

„La Russie et le Monde Slave“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W15, LIETZENBURGER STR. 43 IV

БЕРЛИНЪ W15, ЛИТЦЕНБУРГЕРЪ ШТРАССЕ 43IV

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Всѣ денежные и заказные пакеты

для редакціи журнала просятъ направлять въ адресъ редакціи, но обязательно на имя А. И. Бунге (A. Bunge), такъ какъ при адресованіи на „Русскій Колоколъ“, почта не выдаетъ этихъ отправлений и возвращаетъ ихъ обратно.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Эмая Іовановича 25;

въ Польшѣ представителемъ является
книжный магазинъ „Добро“
Krakowskie przedmiescie 53;

въ Южной Америкѣ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Lietzenburger Straße 43 IV

Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.